

Моя ИВАН
КАРАСЁВ

Франция

Обратится ли
сказка
в кошмар?

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Карасёв

**Моя Франция. Обратится
ли сказка в кошмар?**

«Автор»

2023

Карасёв И.

Моя Франция. Обратится ли сказка в кошмар? / И. Карасёв —
«Автор», 2023

Книга «Моя Франция. Обратится ли сказка в кошмар» состоит из двух частей. Первая - это личные впечатления и воспоминания автора о его десятилетней жизни в этой стране, одновременно взгляд на эволюцию французского общества в 90-ые и нулевые годы, попытка создать картину жизни французов, показать рост влияния идей современного мейнстрима, что вылилось в последние годы в настоящие уличные баталии. И то, что уже удивляло раньше, приобрело поистине гротескные и в то же время пугающие формы сейчас. Рассказу об этом посвящена вторая часть. В ней - о тенденциях современной общественной жизни Франции. Что важнее? Свобода выражения своего мнения или уважение чужой религии? Личные свободы или поддержание порядка? Демократические ценности или человеческие жизни? Все ли граждане этой демократической страны имеют равные права? Почему в этой стране можно безнаказанно громить витрины магазинов, жечь автомобили, даже крушить памятники, но нельзя фотографировать полицейских? Что происходит?

© Карасёв И., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть первая. Такая разная Франция	6
Рынок, квартира и семья	8
Париж и такие разные парижане	15
Нефранцузы и дороги	21
Праздник превращается, праздник превращается...	25
Праздник превращается... в Бог знает что, но погода хорошая	29
Крыша дома своего	32
Русские на Елисейских Полях (и на других тоже)	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Иван Карасёв

Моя Франция. Обратится ли сказка в кошмар?

Ах, милый Ваня, я гуляю по Парижу
И всё, что вижу, и всё, что слышу,
Пишу в блокнотик впечатлениям вдогонку,
Когда состарюсь, издам книжонку.

В.С. Высоцкий, из общеизвестного

Остров Мон-Сен-Мишель (Гора св. Михаила). В утренней дымке он выплывает из ничего как огромный броненосец. Впрочем, остров он только во время прилива.

Часть первая. Такая разная Франция **Первый культурный шок**

В первый и, наверное, в последний раз я летел в бизнес-классе. Вот парадокс, тогда я сэкономил на всём, но занимал уютное и широкое кресло в головной части самолёта, а все многочисленные последующие перелёты, только облизывался, глядя на счастливых из первого салона, и засовывал длинные свои коленки в сжатое пространство меж двух обычных, предназначенных для простых смертных, рядов. Ведь и деньги-то есть уже, и даже сотрудникам своим пару раз давал добро на такую роскошь, поддаваясь на уговоры – длинный, утомительный рейс, а потом работать надо. Правда, после прилёта первым пунктом в списке мероприятий усталого менеджера стояли традиционные «экскурсии» по американским аутлетам – мечте российского шоппингиста из уже почившей в Бозе эпохи до Рождества Алиэкспресса. Другим разрешал покупать, а вот на себя любимого было жалко. Тем более, что летишь обычно не один, с коллегами или с семьёй, и стоимость бизнес-класса надо в таком случае, умножать на количество персон. Так что дешевле запастись выпивкой и потягивать её, пока не отрубись тяжёлым, вовсе не богатырским, сном. К счастью для моего здоровья, эпоха длинных трансатлантических или трансазиатских перелётов в моей жизни, похоже, закончилась.

В тот раз это была халява. Летел со своей первой женой, она, как носитель языка с соответствующим образованием, работала приглашённым ассистентом преподавателя французского по обмену между Францией и СССР, и «Эрфранс», субсидируемый национальным правительством, раз в год бесплатно возил таких специалистов домой и обратно. Вместе с семьёй. А она тогда состояла только из нас двоих. Это уж потом появились два умных и симпатичных мальчика, а ещё позже распалась по моей вине, или не вине, а по тоске. Хотя за 4 года совместных с Франсуазой мытарств в рассыпающемся Союзе Пустых Полок и 10 лет последующей жизни в передовой европейской стране, казалось, прикипели друг к другу, но, видимо, так только казалось.

Французское государство не экономило на своих слугах, в самолёте всё по высшему уровню – стюарт не успевал раздавать вино и шампанское, разлитое по маленьким 250-ти граммовым бутылочкам. Расчётливые французы их рассовывали по сумкам, а я, вырвавшийся из плена горбачёвского сухого закона, ничтоже сумняшася, заливал всё внутрь. Правда, перед промежуточной посадкой в Хельсинки нас попросили спиртное спрятать, у финнов, якобы, закон не позволял употреблять на борту. Не знаю так или не так было у горячих парней соседней страны, но на нашем рейсе все аккуратно припрятали пузырьки, пока финско-арабская служба пылесосила пол. Полицейский, однако, не ходил и не пытался, как наш гаишник, засунуть нос в вашу машину. Кстати, сверху приаэродромные районы Хельсинки принципиально мало чем отличались от наших – та же редкая, чередующаяся с невырубленными кусочками соснового леса, застройка из 4-5 этажных домов, очень похожих на какие-нибудь улучшенные «брежневки». Вот парижские предместья даже с самолёта уже выглядели совсем по-другому – целые города из индивидуальных домиков с участочками, все тесно друг к другу прилепленные (хоть мало земельки, но зато своя!), лишь кое-где разбавленные неизбежными многоэтажными коробками. Другой мир, стоило посмотреть в иллюминатор, и это было понятно. И покрытие взлётно-посадочной полосы в Хельсинки мне показалось тогда каким-то промежуточным по качеству – средним между нашим, трясущим самолёт, и идеально ровным французским.

Так, благополучно залив в себя в общей сложности полтора литра вина и шампанского, я ступил на твердое покрытие аэропорта Шарль де Голль. Не скажу, что оно у меня качалось под ногами, но таможеню я не заметил, хотя, как мне сообщили потом более трезвые пассажиры, сотрудники оной стояли почти рядом с проходящим из самолетов народом, пытаюсь

выцепить из толпы всякую подозрительную публику. Но я, видимо, как человек, с молоком матери впитавший в себя выражение «граница на замке», этот символический контроль, обычный теперь и в наших аэропортах, никак не мог принять за строгую таможенную, которая должна давать «добро». Она и стала моим первым культурным шоком во Франции, потом были другие, более яркие, более впечатляющие, но этот зато был первым, а потому самым запоминающимся. Теперь, в наши дни, проходя в Пулково мимо скучающих у своего «телевизора» людей в зелёной форме, я почти каждый раз вспоминаю тот летний день 88-го года, когда в перерывах между приёмами жидкости из мини-бутылочек, я проглатывал вопреки совету профессора Преображенского содержимое свежей советской газеты. Издание живописало будущее торжество социалистической демократии, обещавшей нам как бы свободные выборы – об этом вещал Горбачёв с трибуны перестроечной 19-й партконференции. Погружённый в другую реальность, я сильно изумился, не встретив человека с ожидаемым вопросом: «Откройте Ваш чемоданчик!» Нынче и в наших аэропортах таможня не задаёт мне этот вопрос. Свободных выборов, однако, тоже не случилось в 1989 году, да и были ли они позднее, и вообще где-нибудь и когда-нибудь, разве что избрание вождя у неиспорченных разгулом свободной прессы первобытных племён?

Кстати, таможня у нас всегда отличалась дотошностью. Александр Дюма-отец, приплывший в Россию через Кронштадт, потратил немало времени, чтобы получить свой очень заинтересовавший наших таможенников багаж. Вероятно, в те времена легче было брать мзду с особ, путешествующих частным образом. Наверное, когда Денардьё приехал за ключами от своих многочисленных квартир, его багаж был выдан вне очереди. Честный, улыбающийся сотрудник таможни, скорее всего, симпатичная молодая особа женского пола в очень короткой юбке, с завидным набором толстых звёзд на погонах, сделав киношный книксен, показала, что он может проходить без задержки. Но в девятнадцатом веке российские таможенники либо не знали кто такой Дюма, либо не испытывали никакого благоговения к нему. Да ведь он и не за паспортом к нам приезжал, жажда творчества погнала его в суровую Россию.

А тогда, в 1988 году, я ещё и представить не мог истории с квартирами кумира своих юных лет, только смотрел по сторонам, разинув рот. Второй культурный шок не заставил себя ждать. Но обо всём по порядку. В аэропорту нас встречали родители жены на машине. Перестраховавшись на предмет того, что все вещи не влезут в маленький багажник, наполовину заваленный всяким хламом, тёща попросила коллегу по работе приехать ещё на одной машине. Так, на двух авто наш кортеж двинулся в Париж. Допускаю, что тёща пригласила коллегу не без задней мысли, ну ведь не у каждой есть зять из такой экзотической и очень модной в то время страны как Советский Союз эпохи Перестройки. Вообще французы, как правило, очень отзывчивые люди. Встречают на машине своих «безлошадных» гостей у ближайшего метро или станции электрички, дабы те не платили за такси, даже могут отвезти их домой после затянувшихся посиделок, когда общественный транспорт уже не работает – на семейных вечеринках, как правило, не напиваются. Но тот коллега тёщи фактически приехал, мне кажется, чтобы посмотреть на забавную диковинку – русского зятя, убил на это весь вечер, хлебнув по приезду на квартиру принимающей стороны бокал шампанского. Больше я его не видел, видимо, посмотрел на живого русского, убедился, что не медведь, тем и удовлетворился.

Рынок, квартира и семья

Моё знакомство с Францией (если не считать аэропорт) началось на следующее утро с ... рынка. Да с банального продуктового рынка. Он, правда, немного отличается от нашего. Хотя бы тем, что в больших городах рынки не стационарные, а переезжают с места на место, располагаясь в зависимости от дня недели в разных концах одного района. Французы к этому привыкли, им так удобней, короче маршрут. Правда я не понимал, как может быть удобным отсутствие всего этого разнообразия лавок и лавчонок поблизости от дома в выходные, но, видимо, это опять-таки вопрос привычки, ну съездишь ты в субботу подальше, если так всё устроено. Не развалишься, тем более что мы на, так сказать, ближний рынок всё равно поехали на машине. Честно говоря, я был слегка удивлён подобной программой. Как человек с продвинутым гуманитарным образованием и с воспитанным ещё подростковой литературой особым пиететом к истории и культуре Франции, я, скорее, был готов ринуться куда-нибудь к Лувру или в Латинский квартал. Но впереди были ещё почти два месяца, и я безропотно согласился.

Передвижной рынок

И не пожалел! Чего только не было на лотках этого, по сути, импровизированного торжища! Впрочем, сейчас мало кого удивило бы то изобилие – ну много сыров (но их ещё и ценить надо), ну много разных видов охлаждённого, варёного, тушёного, приготовленного тут же, в мини-печке, и истекающего слезами жира мяса, ну много ещё всякого разного. Но где же пять видов селёдки, где палтус, где черемша и солёные огурцы? Однако тогда глазам человека, привозившего семье колбасу за 300 километров из города-героя Ленинграда, предстало такое немислимое, сказочное царство еды, что у меня, только что сытно позавтракавшего всякими холодными мясными закусками и уже отведавшего поутру несколько видов мягкого, расплы-

вающегося из-под корки, сыра, потекли слюнки, захотелось есть. И это был мой второй культурный или, может, совсем не культурный, а банально материальный шок. Мне стало ужасно стыдно и неудобно перед тещей, которую я, как верный Санчо Панса, сопровождал с двумя сумками – как бы она не заметила моих внутренних страданий, ведь я же не из голодной Африки приехал! Здоровый патриотизм мне был не чужд всегда. К счастью, всё обошлось, мы загрузили машину и, довольные, но слегка утомлённые, поехали домой.

Родители жены жили на шестом этаже семиэтажного дома без лифта, недалеко от Монмартра. Одноподъездное здание постройки девятнадцатого века, как и значительная часть жилых домов Парижа. Очень характерное для столицы Франции, почти как у нас пятиэтажка в каком-нибудь областном центре.

Тестю на тот момент шёл 81-ый год (30 лет разницы с тещей – такой вот получился у них, как мне тогда казалось, французский вариант). Он ходил с палочкой и с трудом покорял свой каждодневный «эверест». К счастью, через пару лет они переехали в деревню, и мучения его кончились. А тогда мне сразу же поручили подъём по лестнице всех закупаемых главой семейства тяжёлых продуктов (он единственный водил машину) – пакетов молока, приобретаемых впрок, вина и прочих напитков.

Квартиру теща снимала. Цены на недвижимость в Париже высокие, посему апартаменты простором не отличались. Три комнаты и маленькая кухонька, в ней при наличии одного человека уже еле помещались проживающие с хозяевами три кота. Имелся ещё микробалкончик с видом на скверик площадью метров 800 квадратных – большая редкость для Парижа. Всё это не удивляло и не грозило новыми культурными шоками. Даже по советским меркам имелась всего одна лишняя для троих взрослых спальня (у нас в таком случае полагалась двухкомнатная квартира, разве что кто-то из членов семьи первоначальных обладателей ключей успел умереть, освободив испорченным жилищным вопросом родственникам вождеденную комнату). Общий метраж квартиры едва превышал площадь хорошей двушки в «брежневке».

То, что поражало в доме, это лестница с деревянными, блестящими от лака ступеньками, покрытыми чистой ковровой дорожкой, которую консьержка, жившая тут же, в маленькой квартирёшке на первом этаже вместе с мужем – отставным полицейским, пылесосила каждое утро. К лестнице прилагались лакированные, из дорогого дерева, перила и панели вдоль стен. После загаженных советских подъездов, которые тогда еще не знали замков-домофонов, весь этот блеск казался каким-то чудом, фантастикой, обернувшейся реальностью. Да нет, не фантастикой, а пламенным комприветом из старого мира. Мира, который мы знали лишь по фильмам и картинкам из книг. И только размеры лестницы, где с трудом расходились два человека, только ширина пролётов выдавала в ней всего лишь непрменный атрибут парижского доходного дома XIX века. Кстати, во многих петербургских, как у нас говорят, парадных до сих пор остались намертво вбитые в ступеньки колечки, в которые когда-то просовывались удерживавшие ковровые дорожки штыри. Но это всё, что напоминает в питерских подъездах о безвозвратно ушедшем от нас старом мире. В Париже сохранились не только колечки, но и сами ковры.

Другой отрыжкой забытого во Франции дикого капитализма столетней давности была слышимость в доме. Её ведь продумали таким образом, чтобы никто не мог скрыть от соседей самых сокровенных жизненных тайн. Не помогал в этом плане и совсем малюсенький дворик, где только и хватало-то места для некоторого инвентаря консьержки и мусорного контейнера. Зато через распахнутые в жаркие летние ночи окна в уши жильцов влетала незабываемая музыка встреч и расставаний. Мне, индивидууму с молодым и тогда здоровым сном, это не мешало, чего не скажешь о теще. Когда к соседке по этажу после долгой (или не очень долгой) разлуки приехал любимый, она настолько бурно проявляла свои чувства, что некоторые соседи, поначалу тщетно пытавшиеся заснуть, просто обзавидовались, а иные, особенно те, чьи окна оказались ближе всего, обматерились, переворачиваясь с бока на бок. На следующий

день тёща, встретив на лестнице счастливую и довольную после страстных объятий дорогого человека женщину, без капли стеснения, заявила, что обитатели дома не обязаны пассивно участвовать в их постельной жизни.

На одной из улиц Монмартра

Спустя лет 15 после этого случая, будучи проездом в Париже, пришлось переночевать у знакомой в том же районе города. Пожилая дама, польщённая нашим визитом и несколько соскучившаяся по живому общению, постаралась принять гостей по высшему разряду. Она угостила великолепным ужином (француженки, если они не подвержены идеям радикального феминизма, как правило, умеют классно готовить) и уступила нам свою маленькую, метров шесть-семь квадратных, спальню. Сама легла в «большой» комнате на диване. Гостей во Франции ублажают, но нам устроили королевский приём на уровне тесной квартирёшки, конечно. Всё было бы прекрасно, только в восьмом часу утра мы, надеявшиеся допоздна понежиться в кровати, были разбужены топотом ног по такой же, как и в бывшем доме тёщи, красивой деревянной лестнице с ковриком. Складывалось впечатление, что трудовой парижский люд направлялся на работу прямо через нашу комнату, и следовало бы ежеминутно, прикрывшись одеялом, вскакивать, дабы вежливо приветствовать соседей: «Бонжур, месье, бонжур, мадам, ох, пардон, мадемуазель, извините мы без галстуков!». Так что слышимость в бывших доходных домах Парижа девятнадцатого века постройки хорошая!

Пора, однако, сказать пару слов и о тёще. Это была необыкновенная женщина. Дочь обычных крестьян, получившая классов 6 образования. Она вынуждена была уехать из деревни после того, как её и старшую сестру изнасиловал ещё более старший брат. Такие истории случались, наверное, не только во французских деревнях, но если они приобретали огласку, то девицам лучше было покинуть родные края. Репутация оказывалась напрочь испорчена этой

неприглядной историей, несмотря на обстоятельства дела (в которых никто из добрых соседей разбираться бы и не стал).

Не надо удивляться, тёща выросла в Нормандии, где господствовали патриархальные порядки. Там ещё в начале прошлого века для пущей бодрости духа детям подливали домашний кальвадос в утренний кофе. Такие вот были нравы. Ещё давали несколько капель «кальва» (как его именуют в быту) школьникам с едой для обеденного перекуса. А учителя, окончившие институты в больших городах, носители самых прогрессивных на то время, социалистических, взглядов, приходили в ужас от дикости нравов и прилагали бешеные усилия, дабы перевоспитать упрямых селян, но страсть к огненной воде и по сей день сильна в сельской части Нормандии. Даже существует профессия, так сказать, передвижного перегонщика яблочной браги в алкоголь. Он ездит из села в село со своим нехитрым аппаратом и гонит кальвадос для народа из его же сырья. Крепость напитка доходит до 70 градусов.

Но это небольшое отступление, а что касается тёщи, то понятно, что после неприятного инцидента девушка предпочла покинуть родные места. Зато виновник происшествия – брат остался (мужские руки в деревнях всегда ценились больше – кому-то надо было готовиться сменить родителей на ниве тяжелого крестьянского труда).

Вот так пятнадцатилетняя девчонка оказалась в Париже. Сначала устроилась у богатой тётки, потом, расставшись с родственниками, сама начала упорно пробивать себе дорогу в жизнь. Скромными ролями не довольствовалась, пошла на курсы машинисток, которые открывали путь в секретарши, из секретарш пробилась в референты или что-то вроде того, из референтов в топ-менеджеры небольших и средних компаний. И всё это, повторюсь, с шестью классами сельской школы. На момент нашего знакомства она отвечала за хозяйственную и техническую части в коммерческой фирме, где работало порядка сотни человек, обустроивала компьютерный зал (или серверную, сказали бы сейчас), за что получила даже письменную благодарность от компании-поставщика с громким именем IBM.

Путь её, конечно, не был таким гладким и лёгким, как это могло бы показаться. Он состоял из побед и поражений, тяжких усилий и разочарований. Искренняя вера в правоту левых идей перешла в цинизм. Девушка перестала ходить на выборы после того, как получила от шефа задание – передать пакет с отступными депутату-коммунисту, чтобы освободил дорогу к заветному креслу. Затем была любовь к человеку, старше её на 30 лет, необходимость практически до совершеннолетия тянуть дочь одной – отец моей будущей жены жил в своей первой семье, а во второй появлялся вечером и уходил к ночи. Тесть и тёща стали жить вместе только, когда их совместному ребёнку исполнилось 17 лет (правда, в отпуск на 2-3 недели тесть ездил официально с «друзьями», то есть со своей второй семьёй).

А сколько матери Франсуазы пришлось натерпеться на работе, особенно когда стала продвигаться по службе. Франция 60-ых и даже начала 70-ых годов была довольно консервативна в женском вопросе. Да что там говорить – избирательное право лучшая половина нации получила только в 1945 году! Аборт разрешили ещё спустя 30 лет. А моя будущая тёща шла вперёд и стала, по её словам, первой женщиной в стране, занявшей место заместителя по административно-хозяйственной части в компании среднего размера. Когда добилась своего, то неизменно вызывала уважение окружающих её мужчин, и право выбора вина при обмывании очередной сделки в ресторане принадлежало ей, хотя выбор был всегда чисто символическим, о чём знали почти все – бордо, только бордо. Интересно, что во Франции подобные посиделки оплачиваются предприятием и считаются нормальными производственными расходами, которые бухгалтера, конечно, вычитают из прибыли. Но трудная карьера и непростая семейная жизнь отразились на этой женщине. Относительный успех дался ей нелегко, только она знала какой ценой: со временем появилась привычка глушить каждодневный стресс и проблемы при помощи виски, что отравляло жизнь и ей, и её близким...

Отец моей первой жены был человек добрый, терпимый к недостаткам других. Ему уже пошёл девятый десяток, когда я с ним познакомился, на завтрак и на ужин он приходил с большим пластиковым ящиком, который доставал перед приёмом пищи. Там хранились все нужные медикаменты, их надо было принимать до, во время и после еды. Сердце уже стало слабеньким, да ещё вдобавок и диабет, но это, однако, не мешало ему раз-другой в день пропустить стаканчик сладенького аперитива и бокал красного вина за ужином.

С тещей они расписаны не были, пришёл к ним жить – и то хорошо. Хотя потом мать Франсуазы жалела, что не настояла на официализации отношений. Дело в том, что все 37 лет их раздельно-совместной жизни она тащила на себе львиную долю и физических, и моральных, и материальных затрат, а в последние годов двадцать даже частично содержала мужа. Ведь она зарабатывала намного больше. Ещё ухаживала за ним, когда требовалось. После его смерти, тем не менее, половину пенсии покойного согласно французскому законодательству получала первая и единственная законная жена (это правило не касается мужчин, а только женщин, пережиток тех времён, когда они были сплошь домохозяйками). Тёще осталась только её собственная пенсия и память о человеке, с которым она связала свою судьбу и прожила до самой его кончины. Он умер в возрасте 93 лет.

Тесть был человек, как я уже сказал, неплохой, но слабохарактерный, что, наверное, и помешало ему довести до логического завершения отношения с двумя женщинами. Он происходил из богатой семьи, в двадцать лет получил в подарок от отца автомобиль (это в конце второго десятилетия прошлого века, когда машина была во французских семьях большой редкостью). В общем, до определенного времени жилось ему легко и хорошо. Потом была война, мобилизация и пять лет плена, из которого он привёз свою первую жену-немку. Жизнь военнопленного француза была совсем не такая, какой мы привыкли представлять себе по нашим фильмам и рассказам дедов. Тесть работал на бауэра, и наверняка полезно работал, поскольку имел сельскохозяйственное образование. Но один раз непреднамеренно устроил акт саботажа, не справившись с лошадей, повозкой сломал опору – видать, очень хлипкую – деревенской линии электропередач и лишил тем самым электричества важную ячейку аграрного сектора экономики нацистской Германии. За сие коварное действие расстрелян не был, а только обруган хозяином или оставлен без сладкого.

Война, однако, разорила семью, усадьбу в Нормандии пришлось продать, от состояния остался лишь большой дом в пригороде Парижа, где зимой всегда было холодно – французы любят экономить на отоплении. Тестю пришлось уже рассчитывать только на свои силы и зарабатывать самому, причём не всегда во Франции, но и во Французской Гвиане с её гнилым климатом. Рождались и росли дети, отношения с первой супругой постепенно переходили в стадию глубокой заморозки, когда в сердце родилась другая любовь...

Но тогда я ещё всего этого не знал, получил всего лишь первое впечатление о семье жены, о её родителях, впечатление очень поверхностное и полностью затёртое другими, более сильными – я первый раз оказался за границей, и сразу – в Париже. Сколько было прочитано книг, просмотрено фильмов, выслушано рассказов, и тут – сказка наяву – Париж, Франция. Ещё несколько лет назад я совсем иначе представлял себе будущую жизнь – диссертация, работа преподавателем, карьерный рост должен был обязательно сопровождаться квартирным соответственно статусу – от общежития к отдельной квартире в несколько комнат, может, пара загранпоездки в соцстраны. А тут раз, и я в Лувре, два, и я на Елисейских Полях. Сказка!

Кстати, именно там, на Шанзелизе, меня ждал третий культурный шок – по тротуару ехал паренек на зелёном мотороллере со встроенным в него пылесосом. Он выискивал глазом свежее, дневные, мусоринки (утром ведь уже прошли уборщики) и засасывал их в свой агрегат. В результате, там даже среди дня нельзя было найти на асфальте следов неугомонной жизнедеятельности многолюдной парижской толпы, которая, как и другие людские массы, имеет обыкновение мусорить. Такова натура человека, но убирают за ним грязь далеко не везде, и,

чем больше остаётся всякой дряни на улице, тем больше он норовит накидать мимо урны. Вот в наши дни можно легко поскользнуться о помутневшие от солнца и дождей осколки зеленоватого бутылочного стекла на лестнице, ведущей на Монмартр, или наткнуться на кучи мусорных пакетов, ждущих своего мусоровоза на улице в центре Парижа.

Однажды майским днём 2011 года шли мы по узенькой улочке Латинского Квартала, не шли, а плыли в кучке таких же, как мы туристов, в основном японо-китайского происхождения. По обеим сторонам ресторанчики, кафе с открытыми террасами, сувенирные магазины и повсюду иностранные гости города. Нарядный открыточный мир. Выйдя к очередному живописному перекрёсточку, мы почти упёрлись в баррикаду из чёрных мусорных мешков, вываленных прямо перед ясны очи так рвавшихся посмотреть столицу Франции путешественников со всего мира. Аккуратно упакованные отбросы человеческой деятельности чередовались с картонными коробками, бумажками, прочей дрянью и практически перегораживали ещё более сузившуюся улицу, возвышаясь почти до второго этажа. Впечатительные японки хором охнули – настолько неожиданно выросла эта гора среди милых и симпатичных улочек.

Проницательный читатель, наверное, поправит меня, ну как же, наверное, бастовали коммунальные службы! А вот и нет, ни про какие забастовки мы не слышали, видимо, просто сократили количество дней вывоза мусора. Подобное, например, произошло в маленьком городке, где я жил в девяностые годы. Социалисты, пришедшие к власти, выполнили одно из своих предвыборных обещаний – ввели 35-ти часовую рабочую неделю. В итоге, мусор перестали забирать по праздничным дням, а его и так вывозили-то только по понедельникам и четвергам (всё же вывозили, в России в частном секторе по отношению к бытовым отходам до сих пор зачастую справедлива знаменитая фразочка о спасении утопающих – деле самих утопающих). Тогда же, в 98-м году, мы стали копить пузатые чёрные мешки целую неделю, если «мусорный» день попадал на праздник. Хорошо, в отличие от обитателей латинского квартала, у нас имелся подвал с толстыми стенами, куда и помещались пластиковые пакеты с бесплатной функцией «ароматизатора» воздуха. Зато в 1988-м году по Елисейским Полям ездили специальные мотороллеры! Хотя, возможно, то был эксперимент, больше я их никогда не видел, но не так часто и бывал там в последующем.

На туристической улочке Латинского квартала. Париж, май 2011

Париж и такие разные парижане

Вообще-то Елисейские Поля или просто Поля, как их называют живущие в Париже наши соотечественники, ничего особенного из себя не представляют. Просто необычно широкая для Парижа улица, изобилующая шикарными магазинами и дорогими ресторанами. В округе немало фешенебельных отелей, в них останавливаются знаменитости. Побывать там хоть раз надо. Великолепна перспектива с Триумфальной Аркой и её современной сестрой – огромным, сияющим на солнце офисным комплексом в виде буквы «П» – Большой Аркой Ла Дефанс. Причём второе сооружение построено практически параллельно первому – практически, потому что полностью запараллелить не позволил грунт. Но лично для меня в этом городе есть гораздо более привлекательные места, тот же Латинский квартал, например, только если, конечно, без куч мусора. Хотя, на мой взгляд, особой архитектурной привлекательности в Париже мало. Город застроен незамысловатыми зданиями восемнадцатого, особенно девятнадцатого – начала двадцатого веков, среди которых то тут, то там встречаются «вставные челюсти» из стандартного стекла и бетона 50-80-ых годов двадцатого века. И, если в полностью перестроенных районах снесённых промзон на северо-востоке города, утыканных и вовсе только такими «памятниками архитектуры», претензий к подобному строительству нет, то посреди старых домов стеклобетон напоминает нам о том, что Париж тоже город контрастов. Правда, к счастью, в 20-м веке Париж рос за пределами периферийных бульваров, т.е. вне границ города 19-го столетия.

И всё же сравнение с Петербургом по части архитектуры, наверное, будет не в пользу Парижа. Жак Ширак назвал Петербург самым красивым городом мира. Насчёт мира не знаю, но по отношению к Парижу соглашусь. Старая часть Питера выигрывает и по разнообразию стилей, и по количеству богатых дворцов и особняков. Слабая сторона питерской архитектуры – штукатурка, которая всегда норовит отвалиться (хорошо, если не на голову) и оголить кусок здания. Париж – город камня, его штукатурить не надо, только время от времени чистить от нагара выхлопных газов и прочей грязи, что в Париже, судя по всему, делают. А вот в Берлине, например, в самом центре можно встретить совершенно почерневшие от времени каменные здания, памятники истории и культуры по совместительству. Что ж, немцы, благодаря своей «канцлерин» – щедрая нация, они деньги тратят на мигрантов, чего не скажешь о более прижимистых французах. Эти всё на себя любимых, может, потому и фасады в Париже чище, чем в Берлине. Но проигрывает Питеру Париж ещё и в части строгости законодательства в области застройки исторических кварталов. Во Франции можно купить старинное здание, довести его до аварийного состояния, а потом на вполне законных основаниях снести и воздвигнуть новый офисный/торговый центр или дорогой жилой дом. Похоже, что отсутствует, в нашем понимании, во всяком случае, и понятие зоны исторической архитектурной застройки. Как уже было сказано выше, новые высокие билдинги легко встраиваются в старые кварталы, только небо-скрёбы ещё не начали строить направо и налево, хотя прецеденты есть.

Наверное, такая страшная трагедия как блокада с её бомбёжками и обстрелами дала бы возможность парижским промоутерам стереть с лица земли половину французской столицы. Тамошние застройщики 40-50-ых годов, думаю, тонули в собственной слюне, рассматривая фотографии уничтоженных войной городов Европы, вот они бы развернулись в старом Париже! Но, к несчастью для них и к счастью для французской столицы, в 1940 году здесь вообще не было стрельбы, Париж объявили открытым городом, а в 1944-м дело ограничилось перестрелками отступавших немцев с поднявшими голову маки и некоторыми полицейскими, повернувшими оружие против гитлеровцев. Вторая французская бронетанковая дивизия, которой американцы позволили повернуть на столицу, лишь дала немецкому гарнизону

прекрасный шанс сдать регулярным войскам, а не макизарам. Те ведь под горячую руку ещё и шлёпнуть могли.

Дорогие англо-американские союзники также не слишком беспокоили город своими «ковровыми» бомбардировками (промпредприятия уже тогда были в основном за пределами жилой застройки). Так что Париж не смели с лица земли без разделения на кварталы, населённые людьми, и на промзоны с заводами, как поступили освободители Европы со всеми крупными немецкими агломерациями. Отдельным французским городам, впрочем, повезло гораздо меньше, чем Парижу. Кстати, почему, например, обстрел гуманитарной колонны в Сирии, при котором погибает 20 человек, должен считаться военным преступлением при наличии умысла и даже без него, а преднамеренные бомбежки городов Германии в 1942-1945 годах, принесшие смерть миллионам мирных жителей (как это модно говорить – женщин, детей, стариков – именно в данном порядке), таковым до сих пор не то что не считается, даже не обсуждается сама идея? Ещё один вопрос не по теме – а почему жизнь старика в подобном случае по умолчанию ценится выше, чем жизнь девятнадцатилетнего пацана? Только потому, что пацана обрядили в военную форму, которую не доносил тот старик? Но это небольшое отступление в историю и политологию, да простит мне его дорогой читатель.

Ещё тогда Париж поражал огромным количеством иммигрантов из стран Африки и Азии, в основном, конечно, из бывших колоний Франции в Северной и Центральной части «чёрного континента». Я не шугался в сторону при виде пары чернокожих людей, в Ленинграде хватало студентов из Африки, и в нашем общежитии тоже имелось определенное количество. Нельзя сказать, что мы с ними дружили, но никто их не чурался, разговаривали, пели песни, смеялись над шутками. Наверное, одним из самых скромных и интеллигентных парней во всей общаге был нигериец Иса. Он всегда улыбался при встрече, не помню, чтобы хоть раз с кем-то поссорился, и был в числе первых в учёбе.

Но то студенты, а когда, войдя в довольно плотно набитый людьми автобус на бульваре Барбес, мы оказались единственными белыми людьми в нём, я почувствовал себя не в своей тарелке! И таких районов в Париже и особенно под Парижем в 1988 году имелось уже немало! В одной из французских комедий 90-ых годов незадачливый агент государственной спецслужбы попадает в лапы какой-то арабской мафии прямо в Париже. После допроса с пристрастием, дабы запутать следы, беднягу увозят на машине, потом на самолете, затем снова на машине и бросают посреди узенькой улочки посреди явно арабского города. Вокруг обычная восточная толпа, вывески на соответствующем языке. Растерявшийся агент спрашивает у первого попавшегося прохожего, где находится французское консульство. Тот глядит удивленно и отвечает: «Французское консульство? Оно здесь повсюду!» Ничего не соображающий спецгент бредёт дальше и выходит напрямиком на какой-то шумный парижский бульвар... К сожалению, подобные ситуации вполне возможны, это тот случай, когда важнейшее из искусств отражает реальную жизнь.

Мне вспоминается, как жаловались нам пожилые французы – дети русских эмигрантов первой волны, построившие в начале 1960-ых годов дом в северном пригороде Парижа – Ольне-су-Буа. Обосновались они там ещё до нашествия приглашённых (поначалу приглашённых) алжирских гастарбайтеров – экономика бурно росла, а рабочих рук на производствах не хватало. Купили участок в тихом пригороде недалеко от станции электрички, а через 25 лет оказались жителями арабо-негритянского города с населением 80 тысяч человек. На платформе электрички с вывеской Aulnay-sous-Bois трудно встретить лицо со светлым цветом кожи. Попробуйте понять. Вот вы жили среди таких, как вы, не бедных и не богатых людей с примерно одинаковым пониманием морали и норм поведения. Так было, а нынче не боитесь, нет, но вам неприятно выйти за хлебом в булочную, там повсюду на улицах будет кипеть жизнь, но другая жизнь, порой с иными понятиями о добре и зле. И похожих мест под Парижем много.

Понимание того, что массированная иммиграция завела Францию куда-то не туда, было у многих и тридцать лет назад, но политики предпочитали обходить острую тему, отделяясь общими фразами и создавая красивую иллюзию какой-нибудь деятельности. Некоторые так вообще откровенно взывали к самым примитивным чувствам эгоистической природы человека. Известная нам Марина Влади, сошедшая сразу после смерти Высоцкого с врачом и политиком крайне левого толка Леоном Шварценбергом, видимо, под влиянием последнего неоднократно становилась яростной защитницей нелегальных иммигрантов. Самый убойный аргумент для своих сограждан она находила в возрастной структуре французского общества. Мол, приток новых трудоспособных людей из других стран необходим хотя бы для того, чтобы платить пенсии стареющим французам.

Цинично и эгоистично, не правда ли? Цинично и по отношению к этим самым иммигрантам, которых принимают в качестве дойных коров, и по отношению к молодым и будущим поколениям французов, за них ведь таким образом уже решили – с кем им жить, как и в какой стране. Ладно, эти наработают на пенсию стареющей Франции, а дальше-то как? Приглашать инопланетян что ли? Да и далеко не все вновь прибывшие, как известно, мечтают об устройстве на работу, они если и работают, то зачастую «в чёрную». Конечно, мусор убирают в крупных городах иммигранты или их потомки, но кто не видел в том же Париже негров, торгующих на улице дешёвыми сувенирами? Вы думаете, они платят налоги и отчисления в социальные фонды? Пенсионеры получают свои пенсии благодаря их тяжёлому труду? Нет, зато действует параллельная, теневая, экономика. Импорт, опт, розница, в этой схеме всё может быть только в тени.

Лохотрон жив! Французский напёрсточник

Мой инструктор по вождению, пожилой человек лет шестидесяти пяти, с грустью наблюдая где-то в районе многоэтажной жилой застройки празднующихся в разгар рабочего дня

немолодых арабов, комментировал ситуацию так: «А зачем ему работать? У него три жены (неофициально, конечно) от каждой по три-четыре ребёнка. Он получает кучу пособий – на детей, на матерей-одиночек, на жильё – вот и может чай пить целый день». Конечно, такие варианты случаются не часто, но всё же бывают. Проблем с переселенцами из Африки и Азии уже в те годы было не мало, и они увеличивались. Про нынешние я вообще молчу. Один знакомый хорват, считавший себя, несмотря ни на что, югославом, рассказывал мне (дело было в конце 90-ых годов), как однажды пожаловался ему знакомый полицейский из контролирующего иммигрантов отдела: «Мы прямо–таки с ностальгией вспоминаем 70-ые годы и вас – югославов и португальцев, с вами было так легко работать, не то, что с теперешним контингентом». К концу XX века африканская эмиграция уже хорошо расползлась и по провинциальным городам.

Может, мой пассаж об иммигрантах покажется кому-то ненужным и слишком привязанным к нынешним событиям, но тогда это тоже был для меня культурный шок, только отрицательный. Не знаю, как передать охватившие меня чувства, когда я, человек далёкий от религии, тем более католической, увидел негра, мочившегося среди бела дня в стену парижской церкви 17-го или 18-го века! В арабской стране его при подобных упражнениях со стеной мечети, наверное, забили бы камнями на месте.

Юность Франции шагает по центральной улице Лиона. Март 2011 г.

Первый шок от того, что натворили, французы испытали в 1995 году. Тогда группа террористов-самоучек (интернета у них ещё не было) из выросших во Франции арабских юношей, не принадлежавшая ни к какой группировке, даже к никому неизвестной тогда «Аль-Каиде», устроила серию терактов. Погибло несколько десятков человек. Сотрудники спецслужб искали террористов повсюду, нашли и уничтожили. Однако последствия тех событий заметны до сих пор – по всем крупным вокзалам и аэропортам ходят вооруженные армейские патрули, ино-

гда даже с собаками. Правда, ни разу не видел, чтобы кого-то остановили или проверяли, а одна собака на огромные залы регистрации аэропорта Шарль де Голль-2, например, это даже не смешно. Это грустно. И с тех пор на французских вокзалах отсутствуют камеры хранения (как будто нельзя просто прислонить чемодан со взрывчаткой к стенке оживлённого прохода). После 1995 года несколько лет в крупных городах Франции не было мусорных урн. Их использовали террористы для закладывания взрывчатки, и чиновники не придумали ничего лучшего, как вовсе упразднить точки сбора уличных отходов. Французам сказали, мол, носите свой мусор себе домой. Некоторые, конечно, носили. Но со временем сознательных становилось всё меньше, поэтому через пару лет реализовали пришедшую кому-то в голову поистине гениальную в данной ситуации идею сделать урны из прочного прозрачного пластика. И ещё долго во Франции можно было любоваться не только великолепными памятниками архитектуры, но и самыми разнообразными продуктами человеческой жизнедеятельности в импровизированных мусоросборниках.

К слову сказать, французские чиновники, так же, как и наши, умеют принимать «правильные» решения в сложных ситуациях и делать жизнь человека несносной. Во второй части книги (в главе «Трудности обнажают глупости») я расскажу подробно о том, какой бардак устроили в аэропортах парижские кабинетные умники сразу после серии терактов в Брюсселе в марте 2016 года. Сейчас поведаю вкратце. Почему-то чиновники от авиации и полиции решили отменить электронную регистрацию на рейсы. В результате сотворили жуткое столпотворение в залах воздушных гаваней, и это при совершенно формальном контроле безопасности. Террористу было бы легко превратить в кучу кровавого мяса не один десяток человек. Но не успели ИГИЛовцы, что-то у них не сработало.

Правда, такой дурдом, как в аэропорту Парижа, явление малотипичное для Франции, бюрократия там обычно гораздо гуманнее к людям, нежели у нас. Как минимум, была гуманнее. Конечно, отсутствует прописка. Как и во всех европейских странах для подтверждения местожительства достаточно предъявить любой инстанции счёт за воду или электричество, либо за другую коммунальную услугу с указанием адреса и своей фамилии. Только иногда даже прописка оказывается очень полезной в определённых ситуациях. В 1996 году Жак Ширак пригласил приехавшего во Францию Клинтона поужинать в модном ресторане американской кухни. Казалось бы, ничего особенного. Да, но пока два президента вкушали яства, квартал был оцеплен полицией, и его несчастных обитателей не пускали к себе домой. Так как в отсутствии штампа о прописке нельзя доказать, что ты местный житель, ведь никто не догадался положить счета за коммуналку в бумажник или портфель в тот весёлый для двух политиков вечер. Вот и ждали беспечные парижане окончания ужина на улице.

Но, бывает, французский чиновник обнаруживает редкостное понимание простых человеческих проблем. В самом начале девяносто четвёртого года мне пришлось на себе ощутить излишнюю бдительность наших пограничников. Я уже ездил во Францию без всякой визы, ибо имел паспорт этой прекрасной страны. Но стражу границы вынь да положь французскую визу. А откуда я её возьму? Визу дают иностранцам для въезда, я же для французов уже таковым не являлся.

Но питерском консульстве Франции быстро нашли выход из ситуации, они таким «несчастливым» как я в нарушение привычных правил стали ставить визы в наши российские паспорта. Это было просто супер, что называется, дёшево и сердито! Хоть подтянули с тех пор наших чиновников, но представить себе что-то подобное в нашем парижском консульстве не могу. Однако и французы уже давно не могут себе позволить такое. Времена меняются.

Это не военное положение. Нет, обычные парижские будни. Военный патруль около Монмартра (терактов в «Батаклане» и в брюссельском аэропорту ещё не было, патрули уже ходили, но оказывали только моральное воздействие). У крайнего слева на плече висит автомат «FAMAS»

Нефранцузы и дороги

Живя во Франции, мне приходилось слышать рассуждения о том, что, мол, мы здесь идём к мультиконфессиональному и мультирасовому обществу, и в этом, якобы, ничего страшного нет, посмотрите на Америку, к примеру.

Есть страшное. Потому что это только самоуспокоение, попытка закрыть глаза и ничего не делать, не расчищать авгиевы конюшни политической и социальной жизни, а ждать, авось оно само как-нибудь образуется. Что-то образуется, бесспорно, только что, вот в чём вопрос! Даже в Америке до сих пор масса проблем на расовой почве, и не похоже, что они успешно разрешаются, скорее наоборот, а ведь там, в стране эмиграции, смешанная нация формировалась, как минимум, пару столетий, а не 50 лет.

Да чего там говорить, чтобы решать подобные вопросы нужно хотя бы знать её масштабы, а во Франции никто не считал, например, сколько в стране живёт негров. Статистика по расовому признаку запрещена. Известно только количество родившихся за пределами страны и их прямых потомков. Всё это для того, чтобы не поощрять расизм. Сколько арабов, турок, пакистанцев тоже никто не знает, существуют только оценки. Французов, возможно, ввела в заблуждение их собственная история. Даже в 80-ые годы XX века считалось, что в крови каждого третьего гражданина Пятой Республики (а понятия гражданство и национальность во Франции тождественны) течёт кровь иммигрантов. На тот момент это была, по большей части, кровь переселенцев из Испании, Италии, массово оседавших в относительно зажиточной соседней стране с середины 19-го века. Потом к ним прибавились выходцы из Польши, Португалии, беженцы из Советской России, волна перемещённых лиц после Второй Мировой войны. Все эти люди довольно быстро адаптировались в новых условиях, а их дети были уже обычными французами, и, как это часто бывает с эмигрантами, старались изо всех сил пробить себе дорогу в жизни, получить образование и хорошую работу. Один из премьер-министров времён президентства Миттерана был, кстати, сыном белогвардейского офицера. Пьер Береговуа во французском прочтении, или Береговой в русском. До поры до времени ассимиляция проходила легко.

Такое прошлое, видимо, убаюкивало сознание – ну как-нибудь переварим и этих, новых, пришельцев. Португальцы, между прочим, массово приезжали во Францию ещё в 70-ые годы 20-го века, а слово «кончита» (по распространённому раньше испанскому женскому имени) как синоним слова няня, мне приходилось слышать и в двадцать первом веке. Только уже в 90-ые годы нянями в Париже были в основном арабские женщины, кончиты же на такую работу из солнечной Испании ехать не хотели. Приезжали другие, и общество их «переваривало» с огромным трудом. В качестве иллюстрации: в 1996-м чуть ли не главным хитом на одном из пяти существовавших в то время для массового потребителя музыкальном канале Мб была песня какого-то франко-арабского исполнителя о Родине его родителей. Клип демонстрировал красивый средиземноморский городок – голубое небо, синее море, белые домики, разбросанные по склонам холмов. Открыточные виды Туниса или Марокко. Картинка сопровождалась текстом: *mon père est né là-bas, ma mère est née là-bas* – в переводе – мой отец родился там, моя мать родилась там. Затем следовали кадры из не самых, мягко говоря, живописных арабских районов одного, скорее всего, парижского пригорода с совершенно противоположным текстом: *et moi, je suis né ici dans la misère et laideur* (а я родился здесь, среди нищеты и убожества). Автор песни к тому же слишком вольно обошёлся с французским языком.

Это ведь не ностальгия, нет, её у него, судя по тексту, быть не может, это полное неприятие доставшейся ему реальности. Мы все знаем, во что это выливается сейчас, а тогда французам казалось, как оригинально!

Но если Париж иногда удручал этническим составом уличной толпы, то в городах поменьше я в те годы не замечал наличия большой концентрации понаехавших из Африки. Шартр, Руан, Бьяриц, которые я посетил благодаря своей супруге в первый приезд, в 1988 году, не отличались от столицы той глубокой провинциальностью, что до сих пор заметна в российской глубинке. Нет, там просто было тише, спокойней, но так же чисто, красиво и современно.

У каждого своя Франция. Я её чаще представляю такой

В те времена у нас, к примеру, публика в столицах и в провинции заметно различалась даже по одежде. Это было особенно видно по девочкам-студенткам, приезжавшим учиться из других городов. С наступлением холодов они натягивали на себя привезённые из дома и купленные для них мамами ещё, наверное, классе в восьмом типичные советские пальтишки с воротником из искусственного меха. По такому пальто безошибочно определяли первокурсницу, но уже ко второму году обучения девицы наши переодевались в более современные и неизвестно какими путями найденные в убогих заведениях Минторга пуховики, дублёнки и прочую зимнюю амуницию.

Во Франции было совсем не так: провинциальная толпа весьма походила на столичную, магазины всё те же, с теми же товарами. Естественно, в столице для шопинга было больше простора, но и торговля по каталогам уже работала во в полный рост, а купленную таким образом вещь можно было вернуть, коли не подошла. Огромные, как энциклопедии, каталоги “La redoute” частенько встречались мне на журнальных столиках французских квартир. Провинциальный француз был тесно связан со столичной жизнью, если, конечно, хотел того. К этому, собственно, располагало всё: рыночная, а не распределительная экономика, размеры страны, прекрасная дорожная сеть и наличие почти у всех автомобилей, скорость железно-

дорожного сообщения, всеобщая телефонизация и относительная дешевизна междугородной связи. Вспомним, что у нас на периферии бывало так, что телефон имелся в одной квартире из пяти, а то и из десяти.

Перечислять все факторы, сближающие города и веси – дело специалистов. Здесь я хочу немного дополнить свои впечатления рассказом о минителе – компьютерной приставке к телефону. По нему житель отдалённой деревни мог получить доступ ко всем телефонным книгам страны, навести всевозможные справки, совершить некоторые транзакции и даже проконсультироваться у ясновидящей “Madame Soleil” (Мадам Солнце). Минитель купили и другие европейские страны, в том числе Германия, интересовались им в США, а в начале интернетной эпохи даже Yahoo использовал некоторые сервисы минителя.

Вся Франция пронизана сетью скоростных автомагистралей с прекрасным состоянием дорожного покрытия, правда, в отличие от Германии, Бельгии или Испании, платных. Но они позволяют часов за 6-7 спокойно, без нервотрёпки, доехать из Марселя до Парижа, а это почти 800 километров. Хотя и со строительством скоростных автодорог тоже бывают проблемы и не всегда финансового характера. Автострады завязаны в основном на Париж, как у нас на Москву, поэтому строительство поперечных дорог (хорд, как сейчас говорят), безусловно, очень важно. В районе, где я жил, строили такую хорду и строили очень успешно, потом процесс остановился на несколько лет. Оказалось, новая дорога угрожает популяции какого-то редкого вида жуков! Аргумент, что на старой извилистой двухрядке продолжали биться люди, кто-то даже насмерть, подействовал не сразу. В итоге, новую дорогу провели, но экологические соображения продолжают порой побеждать здравый смысл. В городишке, где я жил пять лет, поставили ветроэлектростанцию, и теперь при подъезде к нему самая высокая доминанта – старинная церковь на горе зажата двумя ещё более высокими ветряками. Нет, они возведены, на самом деле, значительно дальше, но зрительный эффект именно такой. Водитель и пассажиры любят этот техногенный вариант ожившей фантастики в духе Герберта Уэллса. Зато теперь уж точно не заблудишься, запоминающаяся картинка!

Хотя заблудиться на машине во Франции трудно было даже до появления навигаторов. На каждой площади, на каждом перекрёстке с круговым движением увидишь не меньше 3-4 указателей, надо только знать свой ориентир – тогда обязательно доедешь, успевай лишь головой крутить.

Водят, кстати, во Франции довольно аккуратно, двойных обгонов, которым порой ужасаешься у нас, там не увидишь. Однажды в пятницу вечером ехал с французами по трассе Санкт-Петербург – Псков. Многие, наверное, хорошо представляют себе, что творится в такой день недели летом на дачных направлениях. Французы не представляли, они просто мужественно решили не смотреть в окна (хотя было это в 1997-м, с тех пор некоторые улучшения есть, но только некоторые).

Пешеходам даже горячие корсиканцы уступают дорогу, как только начинаешь поворачиваться на узком тротуаре лицом к проезжей части. Такое отношение вырабатывают ещё в автошколе. Помнится, я спросил своего инструктора, мол, что делать, если пешеход не прав, имея в виду можно ли посигналить сначала. Опытный водитель повернулся ко мне лицом и удивлённо спросил: «Но Вы же не будете давить его!?» Когда я вернулся в Россию в начале нулевых годов, зачастую казалось – значительной части наших водителей для взаимодействия с пешеходами не хватает именно такого воспитания. В цепочке тормоз – звуковой сигнал бывало, что многие ставили на первое место сигнал.

С автомобильными дорогами за французского потребителя успешно конкурировали и конкурируют по сю пору рельсы. И хотя лишь небольшая часть полотна модернизирована под широко разрекламированные высокоскоростные TGV, несущиеся со скоростью 200-250 и даже 300 км в час, но и по всем остальным путям поезда дальнего сообщения имеют темп движения 100 км в час (и это с учётом остановок).

Так и мы тем летом 1988 года в одиннадцатом часу вечера сели в парижский поезд и утром в пятнадцать минут седьмого, покрыв 750 километров, увидели из окна перрон столичного вокзала.

Дорогой читатель, не сравнивай, пожалуйста, линию Москва-Петербург, где ночной экспресс с лёгкостью за 7-7,5 часов преодолевает 660 километров, а сопоставь эти цифры с быстротой передвижения по остальной сети железных дорог России. Средняя скорость движения пассажирского состава у нас едва ли составляет километров 60 в час. Поезд Самара-Санкт-Петербург покрывает около двух тысяч километров за 39 с лишним часов. А из Урюпинска в Уренгой сколько дней ехать по рельсам?

И в тот летний день, за пару минут до прибытия, прошёл быстрым шагом кондуктор (один на несколько вагонов), повторяя как заклинание, дабы разбудить сонную публику: “Paris, quinze minutes!” – Париж, пятнадцать минут (в смысле шесть пятнадцать). Моему удивлению не было предела. Я, часто мотаясь в Ленинград и из Ленинграда на ночных поездах, привык к такой «нежной» заботе наших проводников о пассажирах как общий подъём за час-полтора до прибытия на конечную станцию, вне зависимости от времени оного. Как же, надо чтоб до начала санитарной зоны народ успел совершить все свои дела в заведениях, находящихся в торцах вагона. У французов же педальный горшок отсутствовал напрочь, за заветными дверцами находились биотуалеты, ну и потом, строем французы ходить не любят. Кто что успел – это личное дело каждого, на вокзале места для медитирования тоже имеются. Вот и мы, едва протерев глаза, унесли всё своё с собой, в квартиру родителей жены.

Доспали там до вполне приличных 10-11 часов, позавтракали и опять поехали в центр города. Тут меня ждал ещё один лёгкий шок. В автобусе встретили лучшую подругу жены, которой накануне отправили открытку из-под Бьяррица (во Франции любят посылать из поездов видовые почтовые карточки своим друзьям и родственникам). Опустили её в почтовый ящик накануне, часа в четыре дня, около вокзала, где покупали билеты. Так вот, подруга сразу поблагодарила за красивую открытку (французы очень вежливые люди, и слово спасибо там услышишь раза в три чаще, чем у нас, а уж «благодарю Вас», «позвольте» так вообще трудно сказать во сколько). Она её уже получила с утренней почтой, которую обычно приносят часов в 8-9! Открытка, видимо, ехала тем же поездом, что и мы – это не удивительно. Её бросали, повторюсь, в привокзальный почтовый ящик, но вот то, что утром парижские почтовики успели обработать и донести нашу открытку до адресата, вот это заслуживает всяческой похвалы. В нынешние времена, похоже, французская почтовая служба работает менее оперативно, но вполне эффективно, потеря письма там – чрезвычайно редкий случай.

История с открыткой стала последним крупным культурным шоком в той, первой, моей поездке. Впоследствии тоже случалось подобное, но это уже не было таким ярким, запоминающимся как тогда. Хотя удивляться приходилось частенько. Так, однажды нечаянно наступив кому-то на ногу в переполненном людьми автобусе, я в ответ услышал женский голос, обращённый ко мне: «Pardon». В голосе не слышалось ни тени иронии. Я был в недоумении: ведь точно знал, что виноват именно я. Потом подумал и понял – в такой толкотне на автомате говорят «извините», поскольку как там разобраться, кто прав – кто не очень? В те года в нашем «икарусе» в ответ на мою неуклюжесть потерпевшая сторона вполне могла разразиться словесным ураганом разной тональности, прибегая к помощи специфического лексического инструментария, варьирующего в зависимости от эмоционального настроения и культурного уровня конкретного человека. А как хочется, чтобы было так как в Париже! Написал эти строки, и через месячишко примерно случился со мной подобный казус, только не в парижском автобусе, а на питерском тротуаре. Сделал неловкое движение – не обернувшись шагнул назад и аккурат налетел на ногу только что перешедшему улицу молодому человеку: Я ещё ничего сообразить толком не успел, как услышал: «Извините пожалуйста!» Неужели дожили?

Праздник превращается, праздник превращается...

Вообще в моё первое посещение Франция запомнилась весёлой, праздничной страной, почти сказкой, где всё получается, всё хорошо и спокойно. Ведь жизнь воспринимается в относительности, даже писающий в стену церкви негр не мог испортить впечатления. На другой чаше весов была общая неустроенность жизни в Советском Союзе, проблемы с продовольствием, с товарами первой необходимости, с бытовой техникой и нарастание межнациональной напряжённости, уже тогда вылившейся в Сумгаит. Конечно, сравнение могло быть однозначно не в пользу СССР.

Иногда этот резкий контраст подводил меня к довольно неожиданным мыслям. Так, рассматривая при выборе подарков родным отдел аудио- и видеотехники в большом универмаге, я впервые захотел зарабатывать больше. Больше, чем у меня имелось на тот момент, больше, чем у меня могло быть через 5 лет, через 10 и так далее. Я уже писал, что готовил себя к обычной карьере преподавателя ВУЗа, года через два-три должен был защититься, потом получить однокомнатную квартирку, потом, наверное, двухкомнатную, наконец, трёхкомнатную (предел мечтаний). Лет в 40-45 выдать на-гора докторскую, стать профессором и получать рублей 400 в месяц. Огромные деньги, которые в моём тогдашнем понимании некуда было тратить. Потому что покупать машину, например, не собирался, слишком непривлекательной казалась перспектива проводить выходные в гараже, как это делали многие знакомые. Я даже в страшном сне не мог представить себя копающимся в моторе, чинящим стартёр, разбирающем отдельные узлы: тягой к технике никогда не обладал. Ну а детская мечта в виде дома на берегу моря всегда относилась к области фантастики.

Но вот во французском магазине, глаза разбегались, взгляд наткнулся на все эти сименсы, филипсы, сони, ямахи, хотелось приобрести и то, и это. Увы, у меня было всего 4200 франков, официально обмененных после стояния в жуткой очереди во Внешэкономбанке (или в чём-то подобном) на улице Гоголя, нынешней Малой Морской. Так ещё для этого надо было специально ехать в Ленинград! 4200 франков – сумма немалая (Спасибо сталинскому официальному курсу рубля! И доллару за 67 копеек!). Она в то время немного не дотягивала до минимальной зарплаты француза, на которую можно было худо-бедно прожить даже в мире чистогана, если употреблять советскую пропагандистскую идиому. Но на стеллажах и прямо на полу лежало (стояло, вертелось, мерцало разноцветными огнями) множество разных, совершенно недостижимых в нашей стране, вещей тысяч на 40! Только того, что влезало в чемодан! И для этого не надо было ехать в Ленинград или Прибалтику, изучать там, как выразились бы сейчас, состояние местного рынка и в результате всё равно почти ничего не купить. Как тут не родиться низменному желанию заработать? Вот и потратил я весь обменный фонд на подарки, благо жил у родителей жены в гостях в буквальном смысле как у тётки, исполнявшей роль Христа, за пазухой.

Небольшое отступление. Сейчас модно вспоминать советское время и говорить, мол, то было лучше, вот это доступнее и справедливее. Спору нет, всегда, у любых режимов бывают определённые достижения. Даже при Гитлере в Германии. К примеру, Третий Рейх сумасшедшую безработицу эпохи Великой Депрессии победил за несколько лет. Первые автобаны тоже построили в те года, и немцы до сих пор по ним ездят. Нисколько не сомневаюсь в том, что в настоящее время в Северной Корее есть что-то такое (и от этого не надо бы отказываться), чего не будет тогда, когда наследственная монархия Кимов рухнет. Но я почему-то не ностальгирую по власти, которая издевалась над своим народом методом всевозможных очередей и «колбасных» электричек. Очень метко выразилась тогда одна знакомая, оправдывая своё желание, как сейчас говорят, «свалить»: «Я не хочу быть счастливой потому, что купила килограмм помидоров!»

Моему поколению достались только очереди, а ведь нельзя забывать о времени товарища Сталина, которое иные соотечественники, не жившие тогда и не способные осознать весь ужас той кровавой эпохи, называют временем великих свершений. Думаю, таким людям всегда кажется, что их бы не коснулось, ну лес рубят, ведь щепки летят. Ага, летят. Только так же считали и многие из голосовавших за смерть троцкистско-зиновьевским предателям и шпионам – они-то сами не предатели и не шпионы. Считали, потом и их сосчитали. Ну а свершения и достижения может, без крови-то быстрее бы свершались, а? Простая математика вообще-то: сколько талантов сгорело в ненасытном пламени несгораемой бумажки с текстом 58-й статьи УК? Слава богу, не довелось это пережить, а вот жить в одном километре от мясокомбината, наслаждаться при южном ветре ароматами протухших обрезков и при этом ездить за колбасой этого же предприятия в Ленинград – довелось!

Короче, на фоне слишком проблемной жизни в Союзе конца восьмидесятых годов Франция смотрелась даже очень прилично. Не один я ходил с раскрытым ртом по парижским (лондонским, римским, западноберлинским) магазинам. Быт не унижал человека товарным дефицитом, и испорченность людей «квартирным вопросом» занимала лишь нижние этажи в лестнице человеческих пороков. Поэтому всё и выглядело со стороны так красиво, ярко и правильно. Иногда казалось сплошным праздником. Кстати, и на настоящих праздниках пришлось побывать. Грянуло 14 июля – день взятия Бастилии. Лишь единицы французов могут сказать, что такое штурм Зимнего, а вот что такое взятие Бастилии знает, наверное, весь мир. Молодцы, ничего не скажешь, всех заставили вертеться вокруг себя. Парад ничем не поразил, техники прошло меньше, чем у нас, а особенно не впечатлило прохождение военных колонн. Ноги как-то поднимались неровно, не так красиво, как у нашей (и не только, манеру тянуть носок русские позаимствовали в своё время у пруссаков). То, что у нас называется чеканить шаг, совершенно чуждо французам, они называют это гусиным шагом. Хорошо это или плохо, не знаю, но на параде хочется ведь увидеть не только армию, но ещё и представление, своего рода спектакль. Так вот, у французов этот спектакль получается гораздо хуже.

Другой праздник я увидел в деревне: родственники жены крестили детей – двух симпатичных маленьких девочек. В церкви было даже весело, приходской священник, похоже, оказался не чужд современным веяний. Вместо церковного хора (которого, может, и не было за малочисленностью прихода) электронная музыка играла что-то напоминающее негритянский джаз. Я ещё раньше видел по телевизору службы для чернокожей паствы в Америке, но тут немало удивился, заметив, как у некоторых присутствующих на крестинах, ноги инстинктивно начали отбивать ритм музыки. «Ещё чуть-чуть и в пляс пойдут, – подумалось, – хорошо, это крестины, а не похороны!». Как-то совсем не вязалась увиденная картинка с моим представлением о строгой обрядности католической церкви. Правда, никогда больше такого экстравагантного действия я не наблюдал, наверное, мы всё же попали к кюре-экспериментатору. После службы начались посиделки с обильными возлияниями, а как стемнело, хозяева устроили для гостей впечатляющий фейерверк (во всяком случае, мне так показалось, ибо раньше я видел только разноцветные выстрелы из армейской ракетницы). Всё происходило на берегу какого-то пруда, куда подвыпивший народ добирался на машинах – далеко, целых полкилометра.

В разгар застолья громкие, рассчитанные на всю публику, а народу было никак не меньше двадцати человек, сентенции хозяина стали вызывать бурный смех гостей. Все веселились, я ещё не понимал французскую речь и был заинтригован, а чем же так забавляет присутствующих родственник Франсуази? Жена объяснила, что он шутит о достоинствах своего полового органа, ну мы же, мол, в деревне, тут родня и соседи, все свои. Это никого не смущало, казалось, что присутствующих забавляли скабрёзные шутки. Мне, однако, такая экзгибиционистская тематика показалась неуместной, хотя ханжой никогда не был, а в своём кругу любил и люблю хлётко пошутить на постельные темы. Но в этом плане многие внешне добропорядочные французские дамочки перешеголяют нашего отъявленного пошляка. Сами по себе

«крепкие» словечки совершенно допустимы в общении, и в разговоре с Вами с виду очень приличная знакомая дама легко может употребить все возможные выражения. В принципе, нельзя переходить на подобную лексику только в общественных местах, магазинах и т.п., да и то лишь громко, а если между собой и вполголоса, то можно. А как я опешил однажды, когда жена с тещей чуть ли не за столом начали обсуждать на полном серьёзе в каком положении им больше всего нравится мужской агрегат. Потом привык. Наверное, стал более толстокожим, более циничным или более открытым, более современным, более толерантным, как это правильно сейчас говорить?

Однако, в таком упрощённом подходе к строению, так сказать, человеческого тела есть и свои плюсы. О том, как они рождаются, дети не на улице узнают, а в мягкой форме от родителей. Обычно при помощи книг, где в варианте «софт» объясняются отношения мужчины и женщины и процесс появления ребёнка на свет. Нет никакого стеснения и при описании схожих вопросов у животных. Когда я уже вернулся в Россию, мы взяли у соседей сверху котёнка. Очень хотелось понять какого же пола маленькое создание. Тем более, что имели уже одну совсем юную кошечку из той же семьи. Понять никак не могли. Гёрлфренд соседа, фельдшер по профессии, безапелляционно заявила: «Кошка, видите, яиц нет!». Когда я рассказал о наших трудностях своему десятилетнему сыну, жившему с мамой во Франции (я регулярно навещал их), он сбегал в свою комнату и принёс иллюстрированную детскую книжку про животных. «Смотри, папа, – назидательно сказал он, – всё просто, если у котёнка сзади просто полоска – значит кошечка, если крестик – значит котик!» Оказывается, не все детали вырастают сразу. К несчастью для нас, наша новая кошка оказалась котом, восплавающим в положенный срок любовью к своей старшей сестре...

Это о детях, ну а, повзрослев и потренировавшись на кошках, французы не забывают о теме. У основной массы населения там очень популярны всевозможные анекдоты и житейские истории о том, что они называют общим словом ж..а (не жена, нет). Видимо, это в крови, королевский двор, а за ним и вся знать с развращенной ею прислугой ещё в 18-м веке показывали чудеса либертарианства, падение Старого режима и снижение роли церкви только ускорило процесс. Пример одних не мог не вызвать подражание других, хотя бы в виде устного народного творчества. Ведь вольное словоблудие на данную тему возможно и есть некая сублимация самих отношений. Вопреки распространённому мнению французы не спят сплошь и рядом с жёнами знакомых и друзей, и фраза из известного анекдота, цитирующая француженку, увидевшую пьяного, лежащего на тротуаре: «Мужчинка! Свободный! Такси, такси, такси!», является не более, чем плодом безудержной мужской фантазии. Похоже, что не только французы сильны в таком подходе к изложению полового вопроса. Один знакомый физик-москвич, таскавшийся в 90-ые годы по европейским университетам в поисках лучшей доли, так охарактеризовал отношение к половым связям в Англии: «У них оральный секс, они только говорят о нём!». Не знаю, сколько в этом разочарования от собственных неудач на женском фронте, а сколько правды...

Но отношение к чужим грехам на сексуальной почве во Франции всегда гораздо более терпимое, чем у американцев. Никакие подвиги Билла Клинтона в Овальном кабинете не вызвали бы такой шквал негативной реакции вплоть до разговоров об импичменте и тому подобное. Известно, что Жак Ширак, ещё в бытность свою мэром Парижа не забывал публично демонстрировать свою супругу Бернардетту и при этом любил волочиться за молоденькими актрисочками, что не помешало ему стать Президентом Республики. Отметились адюльтером в своё президентство и Валери Жискар д'Эстен, и Франсуа Миттеран. Последнему даже приписывают одну фразу, сказанную во время президентской кампании 1974 года, о том, что из трёх главных кандидатов на первую должность в государстве лишь один спит со своей женой. Как это ни удивительно, в данном случае Миттеран зачислил себя в списки неверного жёнам большинства. И с годами ничего не менялось. Катастрофический рейтинг Франсуа Олланда

никто даже не пытался объяснить его легкомысленными амурными похождениями, а на художества известного бабника по имени Доминик Стросс-Кан – в то время по совместительству Директора Международного Валютного Фонда – во Франции всегда закрывали глаза. И только в Америке распоясавшегося чиновника припёрли к стенке с чисто американской изощрённостью. Хотя тут, возможно, не обошлось без просьб со стороны одного заинтересованного французского политика, которому он казался самым опасным конкурентом на будущих президентских выборах.

Французы – вообще очень терпимые к чужим недостаткам люди, сейчас эта терпимость ещё подпитывается официальной идеологией толерантности, которая захлестнула европейские страны. Но далеко не все согласны путать терпимость с толерантностью, хотя по-французски это одно слово. Многим не доставляют удовольствия саморекламные гей-парады, разрушение современной моралью культурных и общественных основ христианского миропонимания. Ещё большее отторжение вызывает то, что приезжавшие сначала по приглашению правительства, а теперь без оно, иммигранты из Африки и Азии фактически создали в стране параллельное общество и параллельную культуру. В итоге, произошла некоторая эволюция в сознании людей. Раньше за Национальный Фронт голосовало 14-17% французов, и сам этот факт многие считали позором для Франции. Не совсем понятно, правда, почему, ведь свободное волеизъявление неотъемлемый элемент признак цивилизованности общества. Теперь цифры другие: на выборах в Европарламент в 2014 году число голосов за фронтистов уже вплотную подобралось к планке в 25%. Неужели они все фашисты? Ведь такой ярлык на них навешивают политические противники.

Писатель Мишель Уэльбек написал фантастическую повесть о том, как в результате второго тура выборов к власти в стране приходит исламистский президент, победивший националистку Марин Ле Пен. Пусть это фантастика и такой партии в Пятой Республике ещё нет, но позиции мусульманской части общества усиливаются. Книжка обещала стать событием начала 2015 года, но её выход совпал с расстрелом «Шарли эбдо», и, несмотря на явную связь двух событий (а может, как раз поэтому), её не заметили.

Праздник превращается... в Бог знает что, но погода хорошая

Однажды в майский день 2013 года, гуляя по Парижу, мы зарулили в кафе дабы промочить горло (взрослые) или насладиться вкусными французскими пирожными (дети). Моя нынешняя супруга любит фотографировать. И тут за окном кафе, на улице, ей чем-то приглянулась одна типичная для нашего времени группа из трёх французских девушек явно арабского происхождения. Одна была даже, как и положено мусульманской женщине, закутана во что-то по самые глаза. Я не силён в терминологии ислама, могу китаб с кебабом перепутать. Девушки о чём-то мирно беседовали, за сим и были «коварно» подловлены женой, её выдала вспышка, забыла отключить. И тут началось, некоторые ведь так толкуют вероучение Магомета, что лицо женщины должно быть скрыто от чужих глаз или, в крайнем случае, от кинофотосъёмки. Возмущённые «невиданной» наглостью девицы буквально ворвались в кафе и, не сдерживая себя в выражениях, стали требовать, чтобы жена удалила кадр. Напоминаю, дело происходило не в мусульманской стране, а в центре Парижа. Мы, естественно, ошалели от такой наглости и отказались, тем более, что технически сделать это было уже невозможно – совершив свой последний подвиг, села батарейка фотоаппарата.

Завязалась перепалка, длившаяся минут десять, кстати сказать, девушка в платке не проронила ни слова, видимо, две её подруги как более светские представительницы прогрессивной арабской молодёжи были лучше адаптированы к реалиям французской жизни. Они прекрасно знали свои права, а скорее не права, а возможности. Картина получилась крайне неприятная, на нас орала две обнаглевшие франко-арабки. В ответ орал я и мой старший сын – в то время ещё свято веривший, между прочим, в «правильные» современные идеи и европейские ценности. Возмущённые мусульманки таки ретировались в итоге ни с чем. И только после их ухода к нам подошёл смущённый официант и извинился за происшедшее. А пока распоясавшиеся девицы буянили, ни один из гарсонов, хотя все они, как и положено по определению этого слова, были мужеска пола, не осмелился остановить безобразную сцену, которая наверняка не обрадовала остальных посетителей заведения. Девицы не были вооружены в прямом смысле, нет, они были вооружены чувством полнейшей безнаказанности, такое им всегда сходит с рук. И это пока, пока ещё нет мусульманской партии, которая, если верить Уэльбеку, победит на президентских выборах в две тысячи двадцать каком-то году. Мне кажется, что больше в Париж мы не поедём. Любой фильм лучше смотреть в оригинале, а не в испорченной версии 33-его римейка.

Не поедём в Париж не означает, что закрываем для себя Францию. Как и Москва у нас совсем не то же самое, что Россия, так и Франция достаточно многообразна, и ещё не все её уголки удалось испортить современному мейнстриму. Помню, как в 1988 году я уезжал из этой страны восхищённый совершенной красотой городов с уходящими в небо шпилями соборов, безукоризненной чистотой улиц, высоким уровнем жизни и так далее. Это восхищение, правда, не смогло предотвратить появление чувства ностальгии. Меня хватило месяца на полтора в центре европейской цивилизации. Однако доминировало желание вернуться ещё, остаться подольше, чтобы лучше узнать и понять тамошнюю жизнь. Теперь же хочется увидеть то, что ещё не попадало в поле моего зрения, пока оно существует в своём нынешнем виде. Иногда кажется – всё меняется так быстро и не в лучшую сторону, что можно не успеть. В мае 2015 года ехали на поезде из Генуи в Ниццу и любовались чудесными береговыми пейзажами – синее море, многочисленные пляжи, зажатые между горами, красивые домики, тут и там разбросанные по побережью. Через несколько месяцев увидели те же места по телевизору и ахнули – море было то же, домики те же, а по загаженному берегу бродили хлынувшие в Европу мигранты. Похоже, их тормозили на французской границе, и тёплый берег Средизем-

ного моря стал вынужденным лагерем переселенцев. Наверное, сейчас ничего подобного нет, как-нибудь проблему решили, но осадочек остался.

Кстати, чем-чем, а климатом Франция не обижена. Хотя многие французы жалуются на долгую и дождливую зиму и мечтают о том дне, когда они поедут «au soleil» (к солнцу), в тёплые края, ассоциирующиеся у них с отдыхом на море, обычно в пределах родной страны. Но, на самом деле, тамошняя зима, с температурами, нынче доходящими даже севернее Луары до градусов 15 тепла, кажется нам, русским (особенно неизбалованным погодой питерцам или каким-нибудь северянам), просто паузой в долгом лете с переполненными террасами кафе и людьми, нежащимися под жарким солнцем в шезлонгах на придомовых участках – садах, как их там называют. Иметь свой сад, *jardin*, мечта, наверное, каждого коренного жителя Франции.

Повторюсь, зимы в нашем понимании, то есть периода с устойчивым снежным покровом, во Франции нет. То бишь, есть, но только в горных районах, хорошо известных нам по зимним видам спорта и по скандалам, которыми регулярно снабжают публику некоторые обезумевшие от огромного количества денег сограждане.

Ещё в конце 80-ых – начале 90-ых годов, когда холодное время года в Европейской части России хоть чем-то напоминало то, что называется русской зимой, я почти не видел во Франции снега, тем более в Париже. Зато немало молодых людей, экономя на тёплой одежде, в прохладные дни просто повязывало шарфик поверх пиджака и в таком виде добиралось до работы или учёбы. Правда, народ постарше, помнивший послевоенные хотя бы годы, рассказывал, что снег был частым гостем на парижских улицах, а национальный кинематограф в фильмах о прошлой жизни для пушей правдивости картинки любит показать заснеженные французские города.

Бывало холодно во Франции и на памяти моего поколения. Начну издаleка. В январе 1987 года в Ленинграде несколько недель стояли морозы под 40 градусов, и в нашем общежитии с огромными, от пола до потолка, стеклянными окнами на первом этаже (говорили, что это передовой чехословацкий проект) полопались батареи. Тогда все срочно обзавелись электрообогревателями. Но они не могли хорошо нагреть комнаты. Самым надёжным способом спасения от холода была возможность найти себе партнёра противоположного пола, чтобы спрятаться вдвоём под стандартным шерстяным одеялом.

В те дни холод докатился и до Франции. В пригородах Парижа температура опускалась аж до минус 18! Тут, конечно, в пиджачке с шарфиком не походишь, парижане страдали, но мужественно терпели. Десять лет спустя под Новый Год выпал снег и тут же почти растаял, но затем ударили морозы. В наших местах (а тогда моим местом был городок примерно в двухстах километрах западнее Парижа) холода до минус двенадцати держались почти две недели, замёрзли неспешные речки и тихие пруды. Местное телевидение показывало изумлённым французам обрадовавшуюся погодной аномалии голландскую семью – она в полном составе каталась на коньках по льду какого-то озера, служившего местом летнего отдыха окрестных жителей. Вот и я тоже, не имея коньков, выводил своего четырёхлетнего сына скользить ногами по десятисантиметровой толщины льду замёрзшей реки, разбежался и катись! Редкое удовольствие в стране тёплых зим. Но отвыкшие от студёных дней французы смотрели на эту картину со смесью удивления и тревоги, хорошо ещё не звонили в полицию!

Однако такие морозы бывают редко, более частый гость – снегопад при нуле или лёгком плюсе. И это сразу становится сюжетом для теленовостей – в городе снег, смотрите, не выходите на улицу в летних туфельках! Ещё одна приятность января или февраля: за ночь ветровое стекло автомобиля полностью покрывается льдом (влажный вечер плавно перешёл в слегка морозное утро). Помнится, я чуть ли не каждый день просто ладонями растапливал два пятна на стекле и трогался – пока доеду до трассы всё и растает. Реагентом дороги обрабатывают крайне редко, поэтому трёх-пяти сантиметров снега хватает, чтобы создать серьёзные трудности автомобилистам и общественному транспорту. Сам видел, как грузовики не могли взять

небольшой подъём после светофора (резина-то у всех летняя, её никто не меняет!). Образовался затор, полностью парализовавший движение. Наиболее смелые объезжали его по совершенно заснеженной, вертлявой просёлочной дороге (но асфальтированной и без ям), я тоже последовал их примеру.

Справедливости ради, хочу сказать, что не только во Франции в нынешнюю эпоху глобального потепления не Бог весть какой по нашим меркам снегопад порождает много проблем. Вот в январе 2013 года в славном германском городе Франкфурт-на-Майне и его крупнейшем в Европе аэропорту выпало сантиметра четыре мокрого снега (я даже запечатлел этот «гигантский» слой на каком-то навесе у аэропорта). Казалось бы, всего ничего, о чём разговор, но, видимо, немцы сильно сэкономили на снегоуборочной технике. Эта снежная «буря», как наверняка её назвали в местных новостях, практически парализовала аэропорт почти на сутки. Нам удалось улететь из него в 14 часов вместо 9 утра, но мы были просто счастливыми, потому что с нами отправились пассажиры, которые должны были ещё накануне вечером оказаться в Питере. Не знаю, как справляются со снегом аэропортовые службы Франции, не приходилось попадать в похожие ситуации, но, судя по тому, что творится на улицах, наверное, не лучшие.

Крыша дома своего

Одно из преимуществ Франции – относительная компактность страны. Населения тоже в разы меньше, чем у нас, поэтому там лучше понимаешь выражение «мир тесен». Приходилось слышать невероятные истории, когда встретившиеся на широких просторах жизни люди, оказывается, ходили в одни и те же школы когда-то, ездили на одних и тех же электричках или даже в ранней юности гостили у тех же самых людей!

«А ведь я тебя помню, – сказала как-то Франсуазе её подруга, обретённая вот уже как несколько лет на новом месте жизни, – ты, когда тебе было лет 11-12, приезжала в гости к Х в городке N (да простит меня читатель, я уже не помню к кому и где), – и вела себя совершенно одиозно!» Вот так. А ещё родственные связи сокращают расстояния, ведь до определённого времени во французских деревнях преобладали многодетные семьи, и родственников развелось столько, что сложно представить. Одну из кузин моей первой жены качал на коленках не кто иной, как ставший впоследствии Президентом Французской Республики Жорж Помпиду. А я сам в 1993 или 1994 году ходил знакомиться с матерью довольно известного уже в те годы политика и впоследствии одного из кандидатов на президентство 2017-2022 Франсуа Фийона – мне сказали надо обязательно, это очень влиятельная семья! В итоге важная дама посоветовала пойти на бесплатные курсы французского для иностранцев, в этом заключалось её участие в моей судьбе. На курсах меня послушали и посоветовали не тратить время на глупости – я говорил уже вполне прилично.

Можно только догадываться насколько часты подобные ситуации в какой-нибудь Бельгии, жёстко поделённой на франкоязычную Валлонию, Брюссель и Фламандский регион. Да и во Франции на 65 миллионов населения приходится всего 550 тысяч квадратных километров (не считая заморских департаментов и территорий – бывших колоний). Даже не вспоминая о сибирских просторах, это лишь 10 Псковских или Новгородских областей. Для сравнения: население Псковской области составляет 650 тысяч человек, а Новгородской и того меньше – 615 тысяч, то есть примерно в сто раз меньше, чем во Франции. Легко посчитать, что плотность населения на Новгородчине в 10 раз меньше, чем во Французской Республике, и это при том, что и там имеются малозаселённые районы в Пиренеях и Альпах.

Уже говорилось о развитой сети железных и автомобильных дорог, что делает компактную страну ещё более компактной. Париж, как и Москва у нас, притягивает к себе всё больше и больше людей, это сердце экономической жизни страны. За исключением парижской и нескольких других крупных, но совершенно несопоставимых с ней, агломераций с одной стороны и малопригодных для жизни районов в Альпах и Пиринеях с другой, страна заселена более-менее равномерно. Типичный французский департамент – это город с населением 50-200 тысяч и окружающая его территория с расползающимися во все стороны пригородами, малыми городами и многочисленными, но не опустевшими как у нас в Нечерноземье, деревнями. Всё это связывает десятки, а то и сотни дорог с обычно безукоризненным покрытием. По замыслу создателей этой системы, разрушившей пережитки феодального и несколько хаотичного деления на графства, герцогства, виконтства, любой гражданин должен был иметь возможность достигнуть своего департаментального центра до наступления ночи. Теперь для этого же требуется не больше часа езды на автомобиле, редко, ну в самом крайнем случае полтора-два, там, где главный город расположен не очень удачно.

Деревенские дома зачастую имеют любопытную форму. Они строились десятилетия, поколение за поколение достраивало, пристраивало, перестраивало. В итоге получаются вот такие штуки.

Жить не в городе во Франции считается не зазорным, на самом деле, все дома в деревнях не только электрифицированы, но имеют и очень актуальный ещё не так давно телефон (а теперь и хороший интернет), водопровод, канализацию, и, конечно, асфальтированные подъездные пути. Дороги эти могут быть шириной достаточной только для одного авто, двум приходится разъезжаться по обочинам: такие дорожки я видел в Нормандии, они вели к каждой отдельно стоящей ферме. Зато асфальт и без ям. Проблема отопления решается ёмкостью с мазутом для котла или, в населённых пунктах покрупнее, подводом газовой трубы. Хотя в последнее время становятся популярными более экологичные теплонасосы. То есть все удобства в наличии. Поэтому многие французы завидуют тем, кто может себе позволить жить вдали (а на самом деле, не в такой уж дали) от шума городского. Да, в магазин надо ехать на машине, но большая часть жителей деревень работает в городах. Некоторые проблемы появляются лишь тогда, когда дети переходят в старшие классы, которые во Франции отделены от средних, так же, как и средние от младших. Лицеи, где учатся старшие дети, укрупнены, и их не так много – обычно в «нестоличной» части департамента всего, дай Бог, две-три штуки. Значит, надо на машине везти отпрыска учиться или подбросить его хотя бы до электрички или автобуса, если поблизости нет остановки. Но учёба в лицее длится всего три года, поэтому её перспектива не сильно омрачает жизнь селян. А если семья купила домик в малом городе, где, в отличие от деревни, не надо ездить на железном коне в булочную за хлебом, то часть этих проблем снимается автоматически. Эх, когда же у нас государство займется созданием жизненной инфраструктуры в малых городах и весях? Армию почти перевооружили, космодром Восточный построили, с газовыми «потоками» можно уже со счёта сбиться, пора бы и о простом деревенском жителе подумать...

Лишь малая часть французов живёт в многоэтажных домах-башнях, их много понастроили в 50-60-ые годы, когда решали проблемы перенаселённости тесных городских квартир, на манер тех, что я описывал в начале повествования. Французы не любят высотные дома для жизни, им привычнее 4-8 этажные здания. Не припомню во Франции районов сплошной застройки из 20-30-ти ярусных домов, возведённых в те же десятилетия. Высокие башни чаще увидишь в деловых центрах, в, так сказать, местных «Сити». Уже в восьмидесятые высотки стали довольно активно сносить, и сейчас, там, где они остались – это, скорее, депрессивные районы с преобладанием вчерашних иммигрантов, бывает, что туда полиция боится заходить.

Интересно, что во Франции функции полиции в сельской местности и в небольших городах осуществляет жандармерия. Жандармы имеют статус военных, их могут в любой момент перевести в другой конец страны, и живут они, в отличие от полицейских, которые должны снимать жильё, в служебных, неприватизируемых, квартирах. Это сделано, наверное, для того, чтобы блюстители порядка не пускали корни в деревнях, срастаясь с местной публикой, своего рода заслон для коррупции. Но в некоторых случаях такое разделение теряет всякий смысл. Бывает, что в пределах одной агломерации находится местечко с жандармерией, окружённое с трёх сторон обычными городами, где свои комиссариаты полиции. Как они организуют совместную работу по борьбе с криминалом, если порой, в буквальном смысле слова, одна сторона улицы в юрисдикции жандармов, а другая – в ведении полицейских. Наверное, как-то справляются, но не всегда успешно.

Криминала на улицах французских городов становится всё больше. В крупных региональных центрах и в Париже его и раньше хватало. Моя первая жена, парижанка по рождению, не раз удивлялась: «Как неосторожно у вас женщины носят сумочки! Надо их носить открывающейся частью к телу. Ведь иначе могут вытащить содержимое!»

Не обращал внимание, но не думаю, что нынешние парижанки менее осторожны. Однажды посмотрел по французском телевидению передачу об уличной преступности в столице. Она стала откровением для меня, жившего на тот момент целых десять лет снова в России, а мои подростки за это время сыновья не удивились ни капельки. Ко всему привыкаешь. Теперь к своим, доморощенным, уголовникам, прибавляются дети иммигрантов, которые не могут найти себе место в современной Франции, потом – румынские цыгане, кавказцы, выходцы из некоторых других республик бывшего СССР.

В нулевые годы моя бывшая супруга и её второй муж подрабатывали присяжными переводчиками в суде. Их вызывали, когда юстиция сталкивалась с русскоговорящими самых разных мастей и не могла найти поблизости толмача с родного языка «клиента». Так вот, чаще всего, по словам Франсуазы, приходилось иметь дело с чеченцами, грузинами, молдаванами и, как это ни удивительно может показаться некоторым, литовцами. Русских в этом списке не было, насчёт украинцев не помню. То были по большей части мелкие воришки, но встречались и аферисты, и преступники посерьёзней. Возможно, борьба с преступностью тоже является причиной нелюбви французов к скоплениям высоток.

Я не могу представить себе во Францию ситуацию подобную той, что вырисовывается в некоторых быстрорастущих районах на окраинах Петербурга. Там понастроена куча домов, живут десятки тысяч человек, но по нерасторопности нашей дремучей бюрократии годами не открывались отделы полиции (как, например, в районе «Северная долина»), а преступность оставалась на удивительно низком уровне. Во Франции такой райончик быстро бы стал раем для криминала, и поздним вечером, наверное, там уже только редкий смельчак решился бы выйти на улицу. Но у нас – не у них, и не потому, что русские более законопослушны и менее агрессивны, и не только потому, что французы напустили иммигрантов в свою страну. Проблема более глобальна, она затрагивает сами основы современного европейского общества, в котором идеи свободы личности, гуманность и прочие «истинные» ценности иногда перевешивают здравый смысл.

Это накладывает сильный отпечаток на работу полиции, на отношение к ней. Она не коррумпирована как у нас. Правда, мне рассказывали про то, как полицейские, прошмонав в возвращавшемся из Амстердама поезде одного молодого француза с мусульманским именем, нашли у него лёгкие наркотики, купленные свободно в Голландии. Франкокопы оставили ровно столько, сколько было необходимо для возбуждения дела, а остальное забрали себе – и такое бывает. Но в повседневной жизни полиция, скорее, дезориентирована, а в последние годы так просто деморализована, она находится под слишком пристальным вниманием общества и прессом СМИ, которые не любят прощать ей ошибки. А кто не совершает ошибок? Только тот, кто, как известно, ничего не делает. И получает французский полицейский за свою работу не так много. В 90-ые годы лейтенант полиции (по уровню это не меньше нашего майора, вспомните хотя бы известного по сериалам американского лейтенанта Коломбо), оперативник с 20-ти летним опытом, наверняка бывавший в опасных ситуациях, зарабатывал столько же, сколько и учитель средней квалификации с меньшим стажем.

Парижские полицейские

Современные правовые нормы не помогают тем более. Ещё в восьмидесятые и девяностые годы это бросалось в глаза. В двадцать первом веке стало только хуже. Правда и во Франции бывают случаи, когда полицейские после бесчисленных предупреждений открывают огонь по «несчастливым» воришкам, например, по угонщикам машин. Случаются и жертвы в таких случаях. А, как известно, те, кто «жертвою пал в борьбе роковой», становятся знаменем любого протеста вплоть до бунта с погромами магазинов, домов, целых кварталов. Ведь Франция – не Америка! За океаном до поры до времени стрелять по чёрным было почти нормой, их уко-

шивали десятками – наркодилеров, угонщиков, и просто под руку попавшихся. И ничего. Во Франции не так. Тут и без всякой видимой причины, просто в знак протеста можно громить всё подряд, а уж не дай Бог, полиция кого обидит, особенно жителей арабо-негритянских окраин. Тогда держись обыватель и мелкий предприниматель!

Зато в районах индивидуальной застройки, где у нас чуть ли не заколачивают окна, уезжая на зиму, ничего такого нет, сплошь и рядом низкие заборчики, стеклянные двери, окна без ставней. Правда, в домах старой постройки остались высокие каменные ограды. Зато в деревянях отдельно стоящие резиденции вчерашних горожан вообще могут быть лишены всяких изгородей. Так что дом француза далеко не всегда его крепость, а просто крыша над головой.

Но свой дом – это всегда ещё и дополнительные расходы, которые экономные французы всячески стараются сокращать. Обогревают такое жильё хуже, чем наши дома с центральным отоплением. Зимы ведь нет, поэтому можно помёрзнуть – ты же не приходишь домой, околевав от двадцатиградусного мороза и пронизывающего ветра, а экономии ради перекрытые утром батареи не лопнут! Ногам холодно – тапочки надень! Тёща вспоминала, что в её детстве, когда водопроводов и канализации в деревянях ещё не имелось, а зимы были попрохладнее нынешних, к утру содержимое ночного горшка покрывалось тонким слоем льда. Красивый и такой романтический европейский камин тепло не держит, это вам не русская печь, на которой и поспать можно. В жилище с каминным отоплением к утру холодина жуткая, из кровати можно выползть, только окутавшись шубой из сибирского соболя, а котёл до сих пор некоторые французы (и не только они) включают, когда уж совсем припрёт. В старых частных домах и кухонная вентиляция иногда представляет собой обычную горизонтальную дыру в стене, в лучшем случае с пришипленным к ней вентилятором. Мне прислали как-то почитать впечатления одного нашего мальчика-студента, который так и не понял для чего это отверстие, высасывающее тепло, и, лишь заткнув его тряпкой, он почувствовал себя намного комфортней в своих парижских «апартаментах». Неудивительно, что россияне, гостя у французов, очень часто банально мёрзнут в помещениях.

Тепло огня французы частенько подменяют теплом горячительных напитков, нельзя сказать, что они много пьют, но пьют довольно часто. Придя с работы, почему бы не пропустить по аперитивчику, пока ужин ещё не готов? Аперитивом может быть и вино. Но чаще всего разнообразные напитки от мартини до коньяка. За ужином не грех выпить бокал-другой сухого вина. Немало французов искренне полагает, что обед или ужин не может считаться таковым, если он не сопровождается бокалом бордо, божоле или Кот-дю-Рона. Кому что нравится, но только не креплёное! Должен сказать, что я тоже с ними согласен, если, конечно, обед не состоит из разогретых макарон с магазинной котлетой. После ужина съеденное можно заполировать, как сейчас говорят, дигестивом, это обычно ликёр, коньяк, водка или что послабее. Кстати, во французском супермаркете трудно найти вино не из Франции, что, впрочем, понятно.

Один питерский врач-гастроэнтеролог заявил мне в ответ на мою сентенцию о пользе потребления красного вина на примере французов, что у них, зато, ожирение мозга, и они все с возрастом теряют часть умственных способностей. Не знаю, какие медицинские страшилки читал мой врач, с возрастом все что-то теряют. Однако могу заявить со всей ответственностью: нигде я не видел такого количества активных и находящихся в здравом уме пожилых людей, как во Франции. Даже перешагнув рубеж восьмидесяти лет, они живут полноценно, водят машину, потеряв жену, могут завести новую женщину и пьют вино, за обедом, за ужином, а иногда и между ними, и так каждый день. Возможно, вопрос ещё в качестве вина, а оно там хорошее (правда, бывает и лучше, но сейчас не об этом, как говорил один герой Георгия Буркова).

Однако французское государство с потреблением алкоголя борется давно и успешно, уже в девяностые годы количество точек, где можно было пропустить стаканчик вина, сократилось

по сравнению с довоенным временем раза в три. Исчезла часть образа жизни, но уменьшилось значительно и потребление. Французы стали меньше пить, зато уверенно вышли на первое место в Европе по приёму успокоительных средств. Как говорится, неизвестно что лучше, вместо натурального продукта стали пить химию. Тем не менее, если у нас vodka connecting people, то у французов это вино. Хотя, когда молодёжь устраивает вечеринки, то там не гнушаются никакими напитками, кто что принёс, то и хорошо. А семейные люди предпочитают, принимая гостей, украшать стол вином. Правда, не всегда, как-то я повёз тещу на похороны её родственницы в Нормандию (километров 150-200 в один конец), всё прошло чинно-благородно, но приглашённые стоя помянули усопшую куском домашнего пирога с чаем, теснясь в небольшой комнате. Честно говоря, не знаю, может, там, в том регионе, так принято. Ну и потом, всем надо было разъезжаться по домам, отдельным товарищам, как и нам, за пару сотен километров.

Хотя вообще принимают гостей хорошо, и в гости французы любят ходить. Однако поскольку все люди занятые, договариваться надо заблаговременно, например, за месяц, предварительно проверив в своём блокноте (телефоне) не запланировано ли на этот день что-нибудь другое, а дня за три-четыре созвониться, дабы подтвердить намерения. Процедура довольно сложная, и не всегда она приходит к логическому завершению. Однажды я был приглашён в марте на октябрь, ибо раньше никак не получалось у принимающей стороны: «В апреле у нас выставка в Германии, – дама помогала мужу по работе, – целых четыре дня, в мае салон во Франции, в июне годовщина свадьбы дочери, потом лето, в сентябре будем приходить в себя после лета». Договорились в сентябре условиться о точной дате, но визит так и не состоялся, ибо по наступлении осени моя знакомая о нём не вспомнила.

Русские на Елисейских Полях (и на других тоже)

Наверное, нельзя не написать о наших соотечественниках во Франции. Русские там – это отдельная тема, о ней можно строчить книги, только это не моя цель. Зачем люди уезжают за границу, в общем-то все знают, но Франция притягивала русских людей ещё в восемнадцатом веке. В наше время поток эмигрантов периодически возобновляется.

Принято считать, что это очень плохо, происходит утечка умов и так далее. Да, не очень-то приятно, когда уезжают в Силиконовую Долину люди, получившие бесплатное образование в России. Платили бы в своей Америке за учёбу в семестр по паре десятков тысяч зелёной резаной бумаги (или больше, не знаю), а потом годов до 35 выплачивали бы с зарплаты кредит, взятый на обучение. Это было бы справедливо. Никому не может понравиться и ухудшение демографической ситуации в стране. Но нельзя же из-за этого снова людей запираť за железным занавесом! Хотя я бы придумал какую-нибудь компенсацию за бесплатный ВУЗ у нас, если человек устраивается по специальности за границей. Но, наверное, это не реально. В любом случае, Силиконовых Долин мало, а уехали с конца восьмидесятых годов из бывшего СССР десятки миллионов людей. Один математик из Еревана, после некоторых мытарств устроившись профессором провинциального университета, перетащил туда чуть ли не всех своих родственников – племянников, кумовьёв. Так что в телефонном справочнике города эта армянская фамилия стала одной из самых популярных, ну, конечно, после всяких Дюпонов и Дюбуа.

«... есть надписи на русском языке».

Далеко не все уехавшие семи пядей во лбу, далеко не всех можно причислить к сливкам общества. По-моему, гораздо больше раздолбаев разного рода, покотивших за бугор за лёгкой жизнью и возможностью работать мало (лучше вообще не работать), а получать прилично, по нашим меркам прилично. В 90-ых годах, во всяком случае, было много именно таких. Хотя изобретательности у них порой не отнять. Один знакомец проехал на мотоцикле из Риги до Центральной Франции почти без копейки в кармане – заправлялся и, круто развернувшись, выезжал с заправок через въезд, не обращая внимания на всякие запретительные знаки. Потом

жил в приюте для запросивших политическое убежище. Там кормили бесплатно и даже давали какие-то деньги на карманные расходы. Никаких личных амбиций у него не было, крыша над головой, кормёжка, даже драки с неграми в том же приюте, что ещё нужно человеку, чтобы встретить старость?

Помню журналиста из Воронежа, женившегося на француженке, дабы уехать из страны, где вместо обращения в суд по поводу всякого рода злоупотреблений, пишут в областную партийную газету. Ему почему-то это особенно мешало, или красивую легенду себе придумал. Ну не хотелось человеку быть посредником между жильцами и ЖЭКом, устал он от этого или просто не принимал такого порядка, вот и решил быть французом. Решил, и точка. Ко всему нашему возникло отторжение, даже к собственной национальности. Парень в разговоре с моей первой супругой заискивающе заглядывал ей в глаза и говорил (речь шла ещё о СССР): «Почему ты *мне* говоришь *у вас*, не *у вас – у них!*» Мол, я же ваш, я прогрессивный, не недо-развитый как они там все, я знаю, что не в газету надо писать о протечках в крыше шестнадцатизэтажного дома. Было немного противно на это смотреть, ведь назови ты себя хоть индейцем племени Квакиютль, про тебя всё равно будут говорить – а, это тот русский, который называет себя квакиютль. Тем более, даже с «*нашим*» языком имелись у этого новоявленного француза проблемы – разговор шёл на *их* языке, на русском. А вообще-то интересно, что он сейчас говорит, ведь у нас уже давно не пишут в газету, чтобы пожаловаться на жилконтору, а чаще всего идут как раз в суд.

Кстати, есть интересный феномен. Если немного утрировать, то дело выглядит так: в России человек ненавидит свою страну или, в крайнем случае, правительство, уезжает с радостью, но, пожив за границей, постепенно становится завзятым патриотом. Примеров тому много: диссидент Эдуард Лимонов из советской эпохи или из совсем недавнего времени журналист Андрей Бабицкий. С некоторыми моими знакомыми подобное тоже случалось. Такие метаморфозы происходят порой с тем, что называют «русской душой» в западном мире.

Лимонов прекрасно здравствовал в Штатах и во Франции, но не каждому удаётся хорошо устроить свою жизнь. Забугорный рай не всегда на поверку оказывается таковым. Бывает, люди кончают самоубийством, знаю два таких конкретных случая. В обеих с жизнью расстались учёные – один историк (человек, которому я многим был обязан), другой – математик. Так что не на всех хватает пряников в науке. Что же касается основной публики, то в доинтернетное время достаточно было почитать объявления у собора св. Александра Невского в Париже, чтобы понять, как непросто складывается жизнь у многих наших людей. Например: «учительница русского языка и литературы с 15-ти летним стажем ищет работу няни или уборщицы», «дипломированный инженер готов выполнить любые работы по сантехнике». И не надо думать, что потенциальные работодатели очень обеспеченные люди, которые не знают, что делать со свалившимися на них деньгами. Нет, чаще всего это такие же недавние эмигранты, которым повезло найти неплохое место, и вот теперь дабы не терять постоянный заработок, молодая мама предпочитает платить няне (нашей, в «чёрную», дешевле). У моих знакомых, англо-русской пары из Парижа, русскоязычной няней была учительница откуда-то с Западной Украины. Труд такой, как правило, осуществляется нелегально, хотя французское государство ещё в девяностые годы предприняло ряд интересных и эффективных мер для борьбы с серым, бытовым налогом.

Но люди живут сегодняшним днём, потому что только так получается, и, хотя во Франции не оставляют никого ни умирать, ни рожать на улице, но возраст всё равно рано или поздно даёт о себе знать, а выход на пенсию там в основном зависит от трудового стажа. Раньше, чем в 63-64 года зажить тихой пенсионной жизнью не получается, и социальной пенсии, как у нас, там нет... Правда, есть пособия, но некоторые всё же оказываются на дне общества.

Более удачный способ эмиграции – это, конечно, матримониальный, но и тут надежды не всегда совпадают реальностью. Русская женщина в ожидании брака с французом строит порой наполеоновские планы: «Вот заживу, в Париже (в Лионе, Марселе, в небольшом милом городке и т.д.)! Летом буду ездить в Ниццу, зимой на Канары, весной путешествовать по Франции». Но реальность чаще всего оказывается другой. В этой реальности надо не только вести домашнее хозяйство, проводить время со скучными друзьями и родственниками мужа, вдвойне скучными, когда плохо владеешь «их» языком, но даже (о ужас!) работать приходится. Надо ведь пополнять семейный бюджет, который всегда почему-то получается дырявым.

Французы живут хорошо, но это не означает, что они как сыры в масле катаются. Обычно, когда француз в конце месяца получает зарплату (всегда по безналу!), он её уже потратил – коммуналка, телефон, кредит, машина, затраты на жизнеобеспечение семьи, будущий отпуск, карманные расходы. Прикинул, посчитал, а свободных денег не так уж много. Они идут на развлечения, выходы в ресторан и некоторые другие жизненные радости. Я знал семьи, которые в ежемесячный бюджет закладывали “les sorties” – общепит, кино и т.д., конечно, без конкретных дат.

Поэтому, попадая в такой расчётливый мир, русский человек не всегда сразу осознаёт, насколько всё непросто. Видя стоимость вещей и теоретическое наличие денег, хочется их тратить всё больше и больше, а то, что свободный остаток вовсе не так велик, понимается далеко не сразу. Приходилось слушать жалобы одного небедного француза на свою потенциальную русскую жену, которая сразу попросила отвезти её с ребенком в Диснейленд, а это выходило по нынешним деньгам долларов в 400, сумма морально и физически тяжёлая. Другая россиянка жаловалась на своего французского супруга за его скардность: «Да что он думает, что я за такие деньги приехала жить в этой деревне? За столько я бы и в Барнауле подье...улась!»

А ещё с некоторым удивлением наши женщины, ждавшие в образе французского мужа такого принца, с удивлением обнаруживают, что книжная галантность (слово, между прочим, французского происхождения) современному мужчине из этой чудной страны полностью чужда! Он вам не подвинет стул, не поможет одеть пальто, а уж открыть и придержать дверь? Нет, бывает, не без того, но у нас, по-моему, чаще! Хотя мне кажется, что столкнись обычный француз в общеджинсовой толпе с элегантно одетой женщиной с грамотно нанесённым неброским макияжем, он сразу вспомнит все ритуалы мужской вежливости. А наши удивляющиеся дамы просто забывают, куда они приехали. Во Франции, как и во всей Западной Европе, победило полное (или почти полное) равноправие полов, и, если женщина работает, одевается и жмёт руку почти как мужчина, то и отношение к ней как к равному партнёру. Разве что для близких коллег на работе и друзей вместо рукопожатия ещё сохранился лёгкий поцелуй в щёчку.

В качестве самооправдания своего отъезда российские женщины часто упоминают о сильных сторонах французов как любовников, мол, это вам непросто так: подошёл, взял, что хотел, и пошёл дальше (спать). Тут я, естественно, судить не могу, но, если посмотреть на количество русских мужей, которые француженки вывозили из своих стажировок и командировок в СССР и РФ в 80-ые и 90-ые годы, дело обстоит не совсем так. Да и сравнивать всё-таки надо вещи сопоставимые. Если у тебя в России на троих с мужем и ребёнком была одна комната да кухня, то какие уж тут прелюдии и послесловия. Тут главное улучшить момент, да так, чтобы не получилось, как в том анекдоте про Вовочку:

– Ну, уснул, поехали!

– А меня почему не берёте? – закричал ребёнок.

Но хватит о бедных наших женщинах, надо и другим уделить внимание. Русские во Франции, как правило, стараются держать связь с такими же как они, общаются, ходят друг к другу в гости, но это больше от скуки. Им скучновато в другом обществе, где жизнь тоже другая, нет у современных эмигрантов той внутренней цепкости, которая в самых разных странах мира

объединяет общины армян, например, веками не давая им растворяться среди чужих народов. Дети наших соотечественников зачастую уже не говорят по-русски или говорят только с родителями, потому что тем так легче. Как расстроился 13-ти – 14-ти летний сын одной знакомой, бывшей замужем во втором браке за французом, когда она объявила, что летом на месяц повезёт подростка на родину, к бабушке в Петербург. А друзья, а телевизор (домашних компьютеров ещё не было)?

Не так обстояли дела у эмигрантов первой волны. Тогда создавались даже политические и военные организации для поддержания духа и продолжения борьбы с большевизмом. Бывшие белые вообще отличались активностью. Кстати, широко известное движение Сопротивления в оккупированных гитлеровской Германией странах своим названием «Résistance», в смысле сопротивление нацизму, оккупантам, обязано двум молодым людям из русской эмигрантской среды во Франции. Интересно, что один из них носил вполне «русскую» фамилию Вильде, уж не француз ли был его предком? Да и третья, брежневская, волна ещё скрепляла людей. Покинувшие Родину по идейным соображениям, они далеко не всегда были готовы рассеиваться в чужеродной среде. Знал одного интеллигентного ленинградца, который, прожив в Париже 8 лет, так и не научился сносно изъясняться по-французски, ему это мешало только при решении административных вопросов. Он жил и работал в кругу русских людей, все возможные операции делал через уже упоминавшийся минитель, а в магазине всегда нужны только деньги.

Однажды в поездке по работе в Бельгию выпало несколько свободных часов. Решил погулять по Брюсселю. Брожу, таращусь на красоты бельгийской столицы и слышу идущие откуда-то сверху слова русской песни. Поднял голову, присмотрелся: в окне третьего этажа торчала нескладная фигура совсем не русского, а, скорее, кавказско-еврейского вида (без горской монументальности). Поймав мой взгляд, фигура спросила: «Что, говоришь по-русски?» После утвердительного ответа, совсем как Верещагин Сухову из «Белого солнца пустыни», бросил ключ из окна. Оказалось, московский грузин с сильной ностальгией по бывшему отечеству. В разговоре время пролетело незаметно, правда, его оставалось немного, мне надо было лететь в Москву, а потом в Ростов, везти туда какую-то шалобушку для простаивавшего из-за поломки нового маслобойного производства. Если бы не такое дело, может, и закорешился бы с приятным человеком. Но не сложилось: просто выпили почти без закуски, поговорили, поностальгировали, и разошлись краями. Адрес я накарябал на кусочке бумаги, но даже пару строк не черкнул (почта всё же не интернет, требует большего количества телодвижений), а потом и листок потерялся. Хотя название улицы запомнил – rue du Marché du Charbon – улица угольного рынка.

Русские, осевшие за границей не могут без русской еды, хотя чаще всего она произведена где-нибудь в Германии

А вот одной знакомой бывшая коллега пишет из Португалии (и не только ей), зазывая к себе, приезжай, тут всё хорошо и даже много бесплатной халявы (???!). Но это уже не потому, что скучает, а от того, что заработать хочет, мол, я тебе всю Португалию покажу задёшево. Зарабатывает на своих соотечественниках, это не возбраняется. Насчёт бесплатного в Португалии не скажу, не слышал, хотя бываю ежегодно и подолгу. Бесплатно лишь раздают остатки ресторанной пищи. А вот кризис там как начался в 2008, так до сих пор закончиться не может. Возможно поэтому дешёвого много, даже жилья. Сколько заброшенных построек в Лиссабоне!

Но вернёмся во Францию. Французы в массе своей к России и русским относятся неплохо. Исключение составляют определённые интеллигентско-журналистские круги, особенно левого толка. Мне кажется, что это отчасти обида за то, что мы не оправдали надежд, свернули с заявленного социал-коммунистического пути, причём свернули очень радикально. А ведь было так удобно иметь нас как пример возможности самого развития в этом направлении. Легко получалось постоянно давить на своих политиков и на общество в целом, видите, у русских то бесплатно, это бесплатно, а вот это для всех, а не для избранных (в детали советской дармовщинки можно было не вникать, достаточно только вякать). А с другой стороны, легко удавалось дистанцироваться от тоталитарного СССР: смотрите, мол, мы ведь не такие, мы понимаем ценности демократии, посему надо дорожить нами, а то получите вместо нас, хороших, каких-нибудь тоталитаристов. В общем, с какой стороны ни глянь, СССР им оказался очень удобен, а тут он взял и исчез, вместе со «справедливой» распределительной системой. Обидно, понимаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.